
НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ЦИР-ЦЕНТРА

1 (25) • 2004

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ЦИР-ЦЕНТРА

1 (25) • 2004

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Р.М. ТИМЕРБАЕВ

РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

К предстоящей Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года

Москва

Издательство «Права человека»
2004

**НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПИР-ЦЕНТРА:
НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

Москва, октябрь 2004 г.

Выходят три раза в год

Издаются с января 1996 г.

**Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017536 от 30 апреля 1998 г.**

Редакционная коллегия:

Ильдар Ахтамзян
Дмитрий Евстафьев
Андрей Загорский
Евгений Маслин
Владимир Орлов
Роланд Тимербаев
Юрий Федоров

Литературный редактор:

Екатерина Мышева

Корректор:

Мария Денисова

Технический редактор:

Наталья Котовщикова

Бухгалтерия:

Вячеслав Зайцев

- Материалы «Научных Записок» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя.
- ПИР-Центр приветствует направление рукописей в редакцию. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылаются по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Подготовка и издание данного номера «Научных Записок» осуществлены при поддержке Фонда Форда.

Учредитель: ПИР-Центр политических исследований

Андрей Загорский, член Совета ПИР-Центра

Владимир Мау, член Совета ПИР-Центра

Евгений Маслин, член Совета ПИР-Центра

Владимир Орлов, директор и член Совета ПИР-Центра

Юрий Рыжов, член Совета ПИР-Центра

Роланд Тимербаев, председатель Совета ПИР-Центра

Юрий Федоров, член Совета ПИР-Центра

Дмитрий Якушкин, член Совета ПИР-Центра

Издатель: «Триалог»

Подписано в печать 15 октября 2004 г.

© ПИР-Центр, 2004

Отпечатано в издательстве «Права человека»

Адрес редакции: Россия, 123001, Москва, Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б, офис 011
Телефон: +7 095-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7 095-234-9558
Интернет-сайт: www.pircenter.org
Электронная почта: orlov@pircenter.org (письма директору)

Содержание

<i>Введение</i>	5
<i>Глава первая</i>	
Коротко об истории создания ДНЯО	8
<i>Глава вторая</i>	
Основные достижения ДНЯО	14
<i>Глава третья</i>	
Проблемы поддержания договорного режима	27
О ходе выполнения статьи VI ДНЯО	27
О ходе выполнения статей III и IV ДНЯО	45
Об универсализации ДНЯО	50
<i>Глава четвертая</i>	
Вызовы международному режиму ядерного нераспространения	54
Индия	55
Пакистан	58
Израиль	60
Ирак	67
Иран	77
Ливия	88
Корейский полуостров	91
КНДР	92
Южная Корея	113
<i>Заключение</i>	115
<i>Об авторе</i>	120
<i>Summary</i>	122

«Я считаю, что проблема нераспространения — одна из самых главных проблем XXI века, самых острых, во имя решения которых все цивилизованные страны должны объединиться».

*В.В. Путин,
Президент Российской Федерации*

*Пресс-конференции по итогам саммита,
Эвиан, Франция, 3 июня 2003 г.*

«Россия готова к самому тесному международному партнерству в этой области [нераспространения ОМУ]. Наша страна стала одним из инициаторов резолюции 1540 Совета Безопасности, является участником инициативы по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР), соавтором Плана действий «Группы восьми» в области нераспространения. Эти инициативы взаимно дополняют друг друга и призваны повысить действенность режимов нераспространения ОМУ, что особенно важно в преддверии Конференции 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия».

*С.В. Лавров,
Министр иностранных дел РФ*

*Пятьдесят девятая сессия Генеральной Ассамблеи ООН,
Нью-Йорк, 23 сентября 2004 г.*

Введение

Режим ядерного нераспространения в том виде, как он сложился к настоящему времени, существует уже более тридцати лет. После появления двух первых ядерных держав — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза — мировое сообщество далеко не сразу прониклось идеей необходимости застопорить или хотя бы заморозить процесс возникновения новых ядерных государств. В ряде стран появились ядерные программы. Впервые ядерное оружие было применено в 1945 г., но лишь к концу 1960-х гг., т. е. спустя четверть века и после того как «ядерный клуб» разросся до пяти членов, мировое сообщество стало мало-помалу разрабатывать коллективные меры с тем, чтобы заложить международно-правовую основу режима нераспространения. В результате этих усилий в 1968 г. был заключен Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), за ним последовало образование других международных механизмов, которые в совокупности составили всеобъемлющий режим нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

Но Договор явился лишь фундаментом, закладным камнем и опорой режима нераспространения. Потребовалось согласование и образование целой системы международных механизмов, норм и процедур, которые и составляют сейчас всеобъемлющий режим ядерного нераспространения. И процесс совершенствования режима непрерывно продолжается. В дополнение к этому многие страны приняли национальные законодательные акты или стали осуществлять практические административные меры, которые «изнутри» подкрепляют международный режим нераспространения и зача-

стью играют не меньшую роль в поддержании режима, чем международные соглашения и механизмы. В ряде случаев отдельные государства (в первую очередь США) устанавливают на основе своего внутреннего законодательства санкции в отношении юридических или физических лиц не только своих, но и других государств, нарушающих, по их мнению, режим нераспространения.

В целом же можно с полным основанием говорить о существовании широко разветвленной глобальной системы международного ядерного нераспространения.

Договор о нераспространении, к сожалению, не охватывает — и это его главный имманентный недостаток — все государства, способные или желающие стать на путь ядерного выбора. Впрочем, это было ясно еще до заключения ДНЯО в 1968 г., поскольку некоторые страны (Индия, ЮАР, Бразилия, Израиль) еще до окончания переговоров и согласования Договора недвусмысленно дали понять, что они останутся вне Договора. Сейчас не участвуют в нем Индия, Пакистан и Израиль. Цель Договора была по необходимости гораздо более скромной, чем обеспечить *полное* исключение ядерного оружия из жизни человечества. Задача его состояла лишь в том, чтобы предотвратить, по возможности, *дальнейшее* распространение ядерного оружия — в качестве меры, направленной на поддержание в мире большей стабильности, укрепление международной безопасности, недопущение выхода из-под полного контроля процесса расползания ядерного оружия. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы и критики и сторонники ДНЯО в полной мере сознавали, что Договор в состоянии решать только ограниченные, но при этом крайне важные задачи для всех государств — как ядерных, так и неядерных. Оценка Договора и того, что было с его помощью достигнуто за прошедшие десятилетия, требует обстоятельного объективного анализа. Только такой анализ может позволить выявить те значительные ресурсы, которые, как мы убеждены, все еще имеются для повышения эффективности ДНЯО и созданных на его основе механизмов.

На протяжении всего периода своего существования Договор и основанный на нем режим подвергались критическим замечаниям со стороны многих государств, особенно неядер-

ных, а также со стороны некоторых представителей академической науки и общественности. Последнее десятилетие в этом отношении было, можно даже сказать, особенно конфронтационным из-за известных событий в Ираке, КНДР, ядерных испытаний в Индии и Пакистане, чрезвычайно сложно проходившей конференции участников Договора 1995 г., на которой решался вопрос о продлении срока действия ДНЯО. Раздавались даже голоса, особенно после индийских и пакистанских ядерных испытаний 1998 г., что Договор отжил свой век и что распространение ядерного оружия пойдет теперь бесконтрольно.

Чтобы дать по возможности объективную оценку состояния дел с режимом нераспространения накануне Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г., попытаемся рассмотреть, как складывался этот режим и какие этапы он прошел за свою достаточно долгую историю.

Глава первая

Коротко об истории создания ДНЯО

Поначалу, сразу после создания ядерного оружия, Соединенные Штаты стремились максимально долго сохранять свою атомную монополию, созданную главным образом руками международной группы ученых-ядерщиков, перебравшихся из Европы за океан, чтобы спастись от преследований нацистов. Однако жизнь показала, что долго джинна в бутылке не удержать. В 1949 г. атомным оружием овладел Советский Союз, в 1952 г. — Великобритания, в 1960 г. — Франция и в 1964 г. — КНР. В то же время в первой половине 1950-х гг. началось широкое освоение атомной энергии и в мирных целях. В 1954 г. в подмосковном городе Обнинске вступила в строй первая в мире атомная электростанция, пятидесятилетие которой было торжественно отмечено в июне нынешнего, 2004 года.

С тем чтобы дать американским частным компаниям возможность побыстрее завладеть международным атомным рынком в складывавшихся тогда условиях, Конгресс США в 1954 г. принимает закон, разрешающий распространение атомных технологий и материалов при гарантиях их неиспользования в военных целях. В конце 1953 г. президент Эйзенхауэр объявляет в ООН программу «Атомы для мира», в результате чего вначале при довольно вялой, а затем — ставшей активной поддержке СССР в 1957 г. в Вене создается Международное агентство по атомной энергии, в функции которого входит как содействие развитию энергии атома, так и недопущение ее использования в военных целях.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, в мире ускоренными темпами происходило спонтанное, а временами даже лихорадочное распространение атомных технологий. По мотивам различного характера Франция строила реакторы для наработки плутония и для Израиля, и для Ирака, Канада — для Индии, СССР — для Китая. Некоторые страны на-

чинали разворачивать самостоятельные атомные программы (Швеция, Швейцария, Бразилия, Аргентина и др.). В ФРГ и Японии быстро создается мирная атомно-энергетическая индустрия, которая могла бы, при соответствующем политическом решении, быть перенаправленной и на иные цели. Некоторые американские компании (судя по всему, не без молчаливого согласия администрации США) оказывали помощь Израилю в осуществлении его ядерной программы.

В США в 1960—1965 гг. разрабатывались планы так называемых Многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС). Их целью было создание смешанных натовских военных соединений, в которых применению атомного оружия были бы обучены специально подготовленные военные из разных стран НАТО, а сами эти страны фактически могли бы получить доступ к американскому ядерному оружию (впрочем, как предполагалось, санкцию на применение ядерного оружия мог бы дать только американский президент).

Безудержное распространение ядерных технологий в 1950—1960 гг. стало вызывать озабоченность широкой мировой общественности относительно перспектив дальнейшего расплоздания ядерного оружия и появления все новых ядерных государств. Осознание этого пришло не сразу. Среди не столь уж малого числа политологов и военных деятелей были и по-прежнему остаются сторонники распространения ядерного оружия, которые полагают, что наличие ядерного и других видов оружия массового поражения, как они утверждают, может стать своего рода «великим уравниателем». Известный американский сторонник этой теории К. Уолтц писал недавно, что «рассуждения о ядерном прошлом дают основания для надежды на то, что мир выживет, если количество ядерных держав станет даже большим, чем нынешние восемь»¹. «Ядерное оружие, как показывает история, — продолжает он, — не делает ядерную войну более вероятной»². Он считает, что «применение ядерного оружия малыми странами вряд ли приведет к его использованию где-либо еще»³.

¹ Scott D. Sagan and Kenneth N. Waltz. The Spread of Nuclear Weapons. A Debate Renewed. N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 2003. P. 9.

² Ibid. P. 17.

³ Ibid.

Такие мнения отдельных американских ученых не получили даже мало-мальской поддержки в широких политических кругах и остались уделом узкоакадемических дебатов. Тем не менее дискуссия имела и некоторый практический смысл, который позволил лучше понять все стороны новой проблемы, с которой столкнулось человечество, — возможность расползания атомного оружия по миру. Многие страны были готовы отказаться от ядерного выбора, но при условии, что и другие государства, прежде всего соседние, тоже взяли бы на себя аналогичные обязательства. В ряде стран, особенно европейских, развернулось широкое антиядерное движение. Характерен в этом отношении пример эволюции общественного мнения Швеции. Если в 1957 г. шведы выступали за создание атомной бомбы в пропорции 2,5:1 (40% за и 17% против), то уже в 1967 г. противники ядерного оружия опережали сторонников в 2,3 раза.

Озабоченность широкой мировой общественности относительно расползания ядерного оружия и появления все новых ядерных государств привела к тому, что в 1958 г. вопрос о заключении соглашения о нераспространении впервые обсуждался в ООН. Однако при его обсуждении между делегациями СССР и США возникли серьезные расхождения, поскольку к тому времени между двумя державами возникла проблема, связанная с размещением в Европе американских ракет «Тор» и «Юпитер» с ядерными боеголовками. Москва хотела, чтобы эта проблема также была охвачена решением ООН, а Вашингтон возражал.

В итоге в ООН в конце концов был достигнут международный консенсус, основанный на общем мнении, что дальнейшее распространение ядерного оружия пойдет во вред человечеству, — в 1961 г. была принята так называемая «ирландская» резолюция, на базе которой начались поиски возможных коллективных путей предотвращения дальнейшего распространения — как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Заключение Договора о нераспространении оказалось «крепким орешком», переговоры начались на двустороннем советско-американском уровне осенью 1966 г. в Нью-Йорке, а затем были продолжены в рамках Женевского комите-

та 18 государств по разоружению и, наконец, завершены и одобрены Генеральной Ассамблеей ООН в июне 1968 г.

Вначале был решен вопрос, который больше всего беспокоил Советский Союз: ядерное оружие не должно передаваться «кому бы то ни было» — ни в национальные руки, ни военным группировкам вроде Многосторонних ядерных сил НАТО. В этом пункте США уступили, но взамен потребовали разрешения на размещение на территории военных группировок ядерного оружия ядерных держав при условии, что за ядерными державами сохранялось бы «вето» на применение такого оружия. Это устраивало и Советский Союз, который также получил бы право разместить свое ядерное оружие в странах Варшавского Договора. Быстро была согласована и следующая, вторая статья ДНЯО, которая устанавливает запрет на создание неядерными странами ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств (т. е. так называемых «мирных ядерных взрывов»).

Одним из наиболее серьезных камней преткновения на переговорах явилось согласование статьи III — о контроле за соблюдением Договора. И Соединенные Штаты, и Советский Союз исходили из принципа обязательности гарантий (контроля) для неядерных государств. При этом гарантиями была бы охвачена *вся* мирная ядерная деятельность в неядерных странах. Однако серьезные разногласия вызвал вопрос о том, какие именно конкретные гарантии будут применяться. Западноевропейские страны настаивали на том, чтобы для них применялись гарантии Евратома — организации этих государств, созданной по Римскому Договору 1957 г. Хотя процедуры гарантий по существу были схожими, подавляющее число стран, включая Советский Союз, Швецию, Египет и многие другие государства, настаивали на том, чтобы для всех неядерных стран—участниц Договора применялись одинаковые международные гарантии МАГАТЭ. Споры продолжались около года. В конце концов был достигнут взаимоприемлемый компромисс, согласно которому страны Евратома заключили коллективное соглашение с МАГАТЭ о гарантиях, и таким образом все неядерные участники ДНЯО охватывались одинаковыми международными гарантиями, при этом примат и окончательное решение об их соблюдении сохранялись за МАГАТЭ.

Другим спорным вопросом, который и поныне создает основные трудности в выполнении Договора и в эффективном поддержании всего режима нераспространения, является вопрос о связи между нераспространением и разоружением (иногда употребляются термины «горизонтальное» и «вертикальное» нераспространение).

По настоянию неядерных стран в текст Договора была включена ст. VI, согласно которой участники Договора обязались вести переговоры «об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о Договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем».

Хотя между США и СССР/Россией за последние тридцать лет был заключен ряд соглашений об ограничении и сокращении стратегических наступательных и оборонительных⁴ вооружений и даже о ликвидации целой категории ядерного оружия (ракеты средней и меньшей дальности), а Великобритания и Франция, хоть и в одностороннем порядке, несколько сократили свои ядерные арсеналы, статья VI продолжает оставаться постоянным источником внутренней напряженности Договора и всего режима ядерного нераспространения. Несмотря на то, что Договору уже перевалило за 30 лет, какого-либо систематического движения в направлении выполнения статьи VI пока не наблюдается. Китай же вообще не сделал еще ничего для выполнения этого положения Договора и, наоборот, продолжает усовершенствование и модернизацию своих ядерных сил.

Без систематического, упорядоченного и рассчитанного по временным срокам движения в направлении ядерного разоружения режим нераспространения, столь важный для поддержания международной безопасности, будет перманентно оставаться неустойчивым, вызывать неизбежные кризисы и конфликты. Это, увы, всегда приходится иметь в виду.

---

⁴ США, однако, вышли из Договора по ограничению систем противоракетной обороны в одностороннем порядке в 2002 г.

Понятно, что построение мира, полностью свободного от ядерного оружия и располагающего всеми гарантиями того, что мирное применение атомной энергии никогда не будет использовано во вред человечеству, не может на нынешней стадии международных отношений реально рассматриваться как дело обозримого будущего, однако коллективными усилиями всех ядерных держав при должной настойчивости неядерных совершенно необходимо обеспечить *непрерывность* процесса ограничения, сокращения и последующей ликвидации ядерных вооружений. Это – юридически обязательное положение ДНЯО. В этом состоит основной смысл статьи VI, от чего зависит жизнестойкость всего Договора, его сохранение в качестве важной составляющей системы международной безопасности.

Глава вторая

Основные достижения ДНЯО

В этой главе мы постараемся подытожить наиболее положительные факторы, определяющие существование и продолжающуюся востребованность Договора о нераспространении ядерного оружия на современном этапе и на перспективу.

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) — и в этом состоит его главное значение — установил *международно-правовую норму ядерного нераспространения*. Такое мнение разделяют практически все специалисты, так или иначе связанные с данной проблематикой. Так, один из отцов-основателей ДНЯО Дж. Банн подчеркивает, что самым главным фактором в успехе ДНЯО является то, что Договор установил международно-правовую норму нераспространения и создал благотворные стимулы для тех стран, которые хотели бы остаться неядерными⁵.

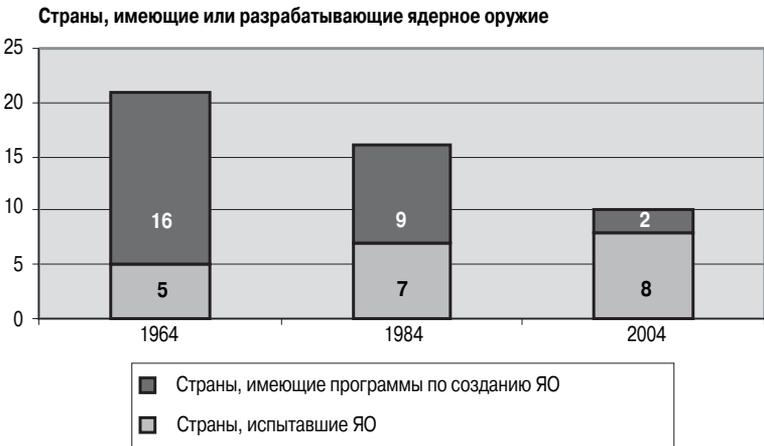
Договор о нераспространении и вся созданная его существованием атмосфера в мире сыграли одну из ответственных ролей в том, что после американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки ядерное оружие ни разу не было применено в боевых условиях (если, конечно, не считать того, что ядерные державы провели на своих испытательных полигонах свыше 2000 ядерных взрывов).

ДНЯО является самым многочисленным по числу участников соглашением в области контроля над вооружениями. Он насчитывает 189 государств-членов. Любопытно, что, когда в начале 1963 г. президент Дж. Кеннеди затребовал от Пентагона

---

⁵ George Bunn. The Nuclear Nonproliferation Treaty: History and Current Problems. *Arms Control Today*. 2003, December. P. 4–10.

данные о ядерных программах отдельных государств, ему было доложено, что в тот период только 10–15 государств имели возможность создать атомное оружие⁶. По мнению специалистов, к настоящему времени не менее 30–40 государств располагают техническими и промышленными возможностями для производства ядерного оружия. По официальным данным МАГАТЭ, 70 государств осуществляют «значительную ядерную деятельность», т. е. располагают энергетическими и/или исследовательскими реакторами⁷ и, следовательно, теоретически в состоянии развернуть военную ядерную программу. Нижеследующая диаграмма дает наглядное представление о количественном изменении числа ядерных программ⁸.

Лишь одно государство вышло из Договора – КНДР в январе 2003 г. Имеются сведения, что Сев. Корея возобновила экс-

⁶ George Bunn. Arms Control by Committee. Managing Negotiations with the Russians. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992, P. 67–68. Дж. Банн – один из самых активных участников переговоров по ДНЯО. В настоящее время, будучи профессором Стэнфордского университета (Калифорния), деятельно участвует в научно-практических разработках, направленных на укрепление режима ядерного нераспространения.

⁷ Док. МАГАТЭ GC(47)2. С. 107.

⁸ Диаграмма подготовлена ПИР-Центром на основе проекта доклада Фонда Карнеги за международный мир «Универсальное соблюдение. Стратегия обеспечения ядерной безопасности». (Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security. Carnegie Endowment for International Peace. 2004, June).

плуатацию реактора, способного нарабатывать оружейный плутоний, однако достоверных данных о том, что эта страна располагает боеготовым ядерным оружием, не имеется. С КНДР ведутся переговоры о свертывании ее ядерной программы. К вопросу о Сев. Корее мы еще вернемся позднее — в главе 4.

Ряд государств, уже имевших ядерное оружие или могущих произвести его в короткие сроки, либо стремившихся тем или иным путем завладеть им, приняли решение отказаться от этого оружия. Это — ЮАР⁹, Бразилия, Аргентина, Швеция, Швейцария, Италия, Австралия, Украина, Казахстан, Белоруссия, Ливия, Южная Корея, о. Тайвань.

В последние годы в адрес ДНЯО было сделано много справедливых критических замечаний, особенно в связи с событиями вокруг Ирака, Ирана, КНДР, Израиля и некоторых других государств. Заговорили о крупных недостатках Договора и даже чуть ли не о полном крахе его и всего режима нераспространения. Договор, разумеется, не является совершенным юридическим соглашением, и потребуются немало постоянных усилий, чтобы укреплять его функции и эффективность. Тем не менее мнение большинства правительств и независимых специалистов сводится к тому, что с момента заключения ДНЯО число новых ядерных государств увеличилось очень незначительно. И поэтому, как, например, считают известные специалисты по нераспространению Дж. Сиринсионе и Дж. Волфстал, «не следует допускать, чтобы кри-

---

⁹ Как рассказывает американский представитель, посетивший предприятие, где производились южно-африканские атомные бомбы (посол в отставке Т. Грэхем), было создано шесть взрывных устройств пушечного типа, седьмое было в работе. Всего было занято 150 чел., израсходовано 25 млн долл. Южноафриканцы не предполагали проводить испытания, поскольку были уверены в том, что бомбы пушечного типа сработают, как это было и с американской бомбой аналогичного типа, сброшенной на Хиросиму. Впрочем, испытательный полигон в пустыне Калахари находился в состоянии готовности. Мощность бомб составила бы 20 кт, что почти на 50% больше мощности бомбы, которая уничтожила Хиросиму. Оружейные делящиеся материалы (ВОУ) изготавливались на специальной установке, которая затем была ликвидирована под контролем МАГАТЭ. Уничтожение ядерного арсенала ЮАР, проконтролированное инспекторами МАГАТЭ, убедительно и наглядно доказывает практическую возможность ядерного разоружения и других ядерных государств.

тика Договора, будь она обоснованной или нет, затмевала его изначальный успех. Если мы сможем договориться о новых нераспространенческих функциях, правительства должны приложить все усилия к тому, чтобы не сжечь мосты, на которых мы сейчас стоим»¹⁰.

При согласовании срока действия Договора¹¹ в ходе переговоров было решено, что первоначально Договор заключается на 25 лет и что в 1995 г. будет созвана конференция для решения вопроса о его дальнейшем продлении. Конференция 1995 г. на основе консенсуса решила продлить Договор бессрочно¹², что убедительно подтверждает продолжающуюся приемлемость его для мирового сообщества.

ДНЯО стал тем ядром, вокруг которого возникли многочисленные международные и региональные механизмы и соглашения, призванные содействовать ядерному нераспространению по тем или иным конкретным направлениям: Группа ядерных поставщиков (ГЯП)¹³; Комитет Цангера; Конвенция о физической защите ядерного материала; Конвенция по ядерной безопасности; Заявление Совета Безопасности от 31 декабря 1992 г. о квалификации распространения в качестве нарушения международного мира и безопасности; меры

---

¹⁰ Josef Cirincione and Jon B. Wolfsthal. North Korea and Iran: Test Cases for an Improved Nonproliferation Regime? *Arms Control Today*. 2003, December. P. 11–14.

¹¹ Соединенные Штаты и Советский Союз настаивали на бессрочном характере Договора, однако из-за возражений многих неядерных государств (Италии, ФРГ и др.) было решено, что через 25 лет после вступления Договора в силу созывается конференция для того, чтобы решить, должен ли Договор продолжать оставаться в силе бессрочно, или его действие должно быть продлено на дополнительный определенный период или периоды времени. Это решение – по условиям Договора – могло быть принято большинством участников Договора.

¹² Некоторые государства – прежде всего арабские – при принятии решения о бессрочном действии Договора сделали оговорки в том смысле, что они, не блокируя достижение консенсуса по продлению ДНЯО, тем не менее настаивают на присоединении к Договору Израиля.

¹³ Важным событием стало присоединение Китая к ГЯП, оно состоялось 27 мая 2004 г. Теперь все ядерные державы являются членами Группы ядерных поставщиков. Одновременно в состав Группы были приняты Эстония, Литва и Мальта. ГЯП насчитывает сейчас уже 45 участников. (Вначале, в 1975 г., в нее входили только семь стран.) Россия выступает за ассоциацию с ГЯП всех основных и потенциальных ядерных поставщиков.

по обеспечению гарантий безопасности неядерных стран (резолюции Совета Безопасности 255(1968) и 984(1995) и односторонние заявления ядерных держав); Договоры об учреждении зон, свободных от ядерного оружия, в Латинской Америке, в южной части Тихого океана, в Юго-Восточной Азии и в Африке, двусторонняя аргентино-бразильская контрольная организация АВАСС и целый ряд других соглашений и международных механизмов.

Благодаря положениям ДНЯО, оказалось возможным создать в рамках МАГАТЭ всеобъемлющую систему гарантий (контроля) с тем, чтобы ядерный материал, используемый в мирных целях, не пошел на изготовление ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Система гарантий постоянно находится в процессе совершенствования. Это — самая широкая и технически основательно оснащенная международная контрольная система (она известна под индексом INFCIRC/153).

В связи с выявлением в начале 1990-х гг. тайной ядерной деятельности в Ираке Международным агентством были предприняты интенсивные усилия по укреплению системы гарантий. Совет управляющих в мае 1997 г. одобрил Дополнительный типовой протокол (INFCIRC/540) в качестве стандарта для дополнительных протоколов к соглашениям о всеобъемлющих гарантиях.

В число мер, предусматриваемых Протоколом, входят получение информации и доступ инспекторов ко всем элементам ядерного топливного цикла государств — от урановых рудников до хранилищ отходов; заблаговременное получение информации об исследованиях и разработках, связанных с ядерным топливным циклом; получение информации о всех зданиях, находящихся на ядерной площадке, и доступ к ним инспекторов с краткосрочным уведомлением; отбор проб окружающей среды за пределами заявленных мест нахождения в тех случаях, когда МАГАТЭ считает это необходимым, административные мероприятия, улучшающие процесс назначения инспекторов, выдачу многократных въездных виз и доступ МАГАТЭ к современным средствам связи.

К сожалению, процесс присоединения к Дополнительному протоколу проходит медленно, хотя в последние месяцы на-

метилась более благоприятная тенденция. К настоящему времени (октябрь 2004 г.) Советом управляющих Агентства протокол одобрен для 94 стран, подписан он 86 государствами, но участниками протокола стали пока что 60 государств плюс Евратом. Следует, правда, отметить, что Иран, в отношении которого у некоторых государств были и остаются сомнения в части добросовестного соблюдения ДНЯО и соглашения о гарантиях с МАГАТЭ, подписал Дополнительный протокол в декабре 2003 г., но еще не ратифицировал его, объявив, однако, что на практике он будет применяться. Таким же образом поступила и Ливия. Следовательно, Дополнительный протокол в целом осуществляется сейчас в 62 государствах.

Несмотря на разоружение Ирака в начале 1990-х гг. – в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН 687, 715 (1991) и др. и под эгидой специальных комиссий Совета Безопасности ЮНСКОМ и ЮНМОВИК, а также МАГАТЭ, Соединенные Штаты при поддержке Великобритании и некоторых других государств совершили вторжение в Ирак в марте 2003 г. и продолжают оставаться там под тем предлогом, что ООН и МАГАТЭ якобы не выявили всего оружия, подлежащего уничтожению. После многомесячных проверок, проведенных специальными отрядами США и Великобритании, американцы фактически вынуждены были констатировать, что спецкомиссии ООН и Агентство добросовестно выполнили свою работу. Это – дополнительное свидетельство эффективности системы гарантий МАГАТЭ, особенно подкрепленной авторитетом Совета Безопасности ООН и созданными им исполнительными органами в соответствии с Уставом ООН.

ДНЯО, как и другие международные соглашения (в частности, Конвенция по запрещению химического оружия), безусловно, играет большую роль в содействии реализации программы Глобального партнерства стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения, принятой в Кананаскисе (Канада) в 2002 г., которая продолжает, хотя и медленно, набирать силу. На осуществление в течение 10 лет Глобального партнерства выделяется 20 млрд долл.

К этой программе присоединились и другие страны. По состоянию на октябрь 2004 г. — это Австралия, Бельгия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Финляндия, Чешская Республика, Южная Корея, Швеция и Швейцария¹⁴. (Заметим, впрочем, что роль Глобального партнерства могла быть еще более значительной, как это показала проведенная ПИР-Центром в Москве в апреле 2004 г. международная конференция «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», на которой независимые и правительственные эксперты проводили оценку этой программы.) После долгих лет холодной войны представляется немалым новшеством то обстоятельство, что после распада Советского Союза руководство России и некоторых других постсоветских республик, испытывающих большие финансовые затруднения, согласились открыть достаточно много в прошлом закрытых объектов, чтобы ускорить процесс ликвидации и утилизации вооружений, подлежащих уничтожению в соответствии с международными обязательствами, которые были взяты на себя Советским Союзом/Россией.

Крупным успехом явилось единодушное принятие Советом Безопасности 28 апреля 2004 г. резолюции 1540(2004), главная цель которой — создать эффективные барьеры, предотвращающие попадание ОМУ, компонентов такого оружия и средств его доставки в руки *негосударственных субъектов, прежде всего террористов*. Резолюция закладывает принципы и механизмы скоординированного противодействия «черным рынкам» в сфере ОМУ и связанных с ним материалов. Резолюцией предусмотрены практические меры, которые должны быть приняты на национальном уровне всеми государствами по укреплению законодательной базы и правоприменительной деятельности, обеспечению учета, контроля и физической защиты, а также контроля за экспортом и транзитными перевозками компонентов, связанных с ОМУ. Предусмотрены также конкретные действия по укреп-

---

¹⁴ Подробнее о практической реализации программы Глобального партнерства см. «Вестник Глобального партнерства», выходящий в качестве специального приложения к журналу ПИР-Центра *Ядерный Контроль*.

лению и координации усилий в этой сфере на региональном и международном уровнях. Осуществление таких мер, как отражено в этой резолюции, не будет препятствовать международному научно-техническому сотрудничеству в мирных целях. Создается специальный комитет Совета Безопасности, которому поручается содействовать полномасштабному выполнению резолюции. Государства-члены не позднее чем через шесть месяцев должны представить первый доклад о принимаемых ими мерах.

Недавно еще один международный инструмент дополнил длинный список принимаемых мировым сообществом мер по укреплению режима нераспространения ОМУ. Это – Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения – ИБОР (Proliferation Security Initiative – PSI), выдвинутая в выступлении президента США Дж. Буша в мае 2003 г. Россия присоединилась к группе государств–основателей Инициативы 31 мая 2004 г. на встрече стран–учредителей ИБОР в Кракове (Польша). Странами так называемого «ядра» ИБОР на сегодняшний день являются 15 государств, включая Россию. В том или ином виде готовность содействовать целям ИБОР высказали свыше 60 государств.

Инициатива направлена на выявление, предотвращение и пресечение незаконного оборота и трансграничного перемещения связанных с ОМУ материалов и средств доставки, в том числе «черного рынка» таких материалов. Тем самым ИБОР – полезный механизм в борьбе с угрозой распространения ОМУ, в том числе с ее новым измерением – возможностью обретения ОМУ террористами. Угрозы распространения ОМУ носят глобальный характер, что соответственно требует глобального ответа, и справиться с этими угрозами можно только коллективными усилиями.

Принципы ИБОР, изложенные в Парижской декларации стран-учредителей в сентябре 2003 г., как они были развиты ими в Лондоне в октябре того же года, соответствуют линии России в сфере нераспространения. Международное взаимодействие в этих вопросах вписывается в рамки резолюции Совета Безопасности ООН 1540, в которой, среди прочего,

содержится призыв к сотрудничеству по воспрепятствованию «черным рынкам» ОМУ.

ИБОР рассматривается как дополнение, а не противопоставление существующим механизмам в области нераспространения. Российская сторона намерена вносить свой вклад в реализацию ИБОР с учетом требования совместимости действий с нормами международного права, соответствия национальному законодательству и общности нераспространенческих интересов с партнерами.

В целом ИБОР рассматривается как составная часть глобальной стратегии укрепления международных режимов нераспространения ОМУ и экспортного контроля. В Москве исходят из того, что деятельность в рамках этой инициативы не должна и не будет создавать препятствий законно осуществляемому экономическому и научно-техническому сотрудничеству государств.

В конце мая 2004 г. между США и Россией было достигнуто соглашение о возврате в Россию при содействии Соединенных Штатов высокообогащенного свежего топлива, поставленного Советским Союзом для реакторов в 17 стран, об ускорении темпов возвращения отработанного топлива из этих стран и о переводе реакторов на менее обогащенное топливо, что снизит возможность использования ВОУ в нежелательных целях. Аналогичные действия предпримут и Соединенные Штаты, поставившие реакторы во многие государства. На реализацию всех этих мер правительство США выделяет 450 млн долл.

Наконец, на последнем саммите «Большой восьмерки» на о. Си-Айленд (США) в июне 2004 г. была принята Программа действий по нераспространению оружия массового уничтожения. Так, было согласовано, что в течение ближайшего года страны «Большой восьмерки» будут воздерживаться от выдвижения новых инициатив, ведущих к передаче оборудования и технологий обогащения и химпереработки дополнительным государствам, а тем временем будет вестись работа по изменению Руководящих принципов ГЯП в этом направлении. Предусмотрено также усиление принципов ГЯП в духе требований Дополнительного протокола МАГАТЭ. Было, далее, условлено действовать совместно в целях учреждения

нового специального комитета по гарантиям Совета управляющих Агентства, в котором будут участвовать государства, соблюдающие свои обязательства по ДНЯО и Уставу МАГАТЭ. Лидеры стран «Большой восьмерки» договорились и о ряде других совместных действий по усилению режима нераспространения.

Важным общим выводом, который с полным основанием можно считать результатом достижения широкого международного консенсуса против ядерного и других видов оружия массового уничтожения и итогом практического действия Договора о нераспространении за более чем тридцать лет его существования, является широкое и повсеместное развитие *культуры и менталитета нераспространения* оружия массового уничтожения. Не проходит ни одного двустороннего или многостороннего совещания государств по проблемам международной безопасности, в том числе и на самом высоком уровне, чтобы вопросы ядерного нераспространения не были предметом рассмотрения, причем нередко в качестве основного пункта повестки дня. Даже те отдельные страны и группы, которые все еще втайне помышляют обзавестись оружием массового уничтожения, если и будут пытаться идти по этому пути, то делать это смогут только негласно, тайком. Но ведь тайное всегда становится явным. А в таком случае за этим последуют действия государств по пресечению нарушений, в том числе при необходимости и превентивного характера.

ДНЯО является международно-правовой и моральной нормой, глубоко проникшей в сознание миллионов людей. Во многих странах разработано и принято национальное законодательство, устанавливающее нормы контроля за экспортом материалов, используемых в создании оружия массового уничтожения, и другие законы (таможенные и пр.), способствующие обеспечению нераспространения оружия массового уничтожения. Широко развивается обучение молодых специалистов основам поддержания международного режима ядерного нераспространения. Этому способствовала принятая в 2001 г. резолюция Генеральной Ассамблеи ООН в поддержку распространения знаний в области разоружения и контроля над вооружениями. Издаются учебники и справочники, широко распространяется электронная информа-

ция, которые помогают молодым специалистам овладевать необходимыми знаниями в этой области. Создаются и активно действуют неправительственные организации, которые пропагандируют необходимость активных мер по нераспространению оружия массового уничтожения.

В технической области ученые и специалисты, занимающиеся реакторной техникой, в ряде стран работают над созданием таких ядерных энергетических установок, которые не нарабатывали бы материалы, используемые в создании оружия массового уничтожения. Большие группы ученых работают над тем, чтобы исключить возможность создания реакторов, содержащих риск распространения технологий и ядерных материалов, способных воссоздать ядерное и другие виды оружия массового уничтожения. По инициативе России под эгидой МАГАТЭ осуществляется проект ИНПРО, направленный на разработку ядерных технологий, устойчивых к распространению. Совместная работа в рамках ИНПРО и других аналогичных проектов, прежде всего в рамках программы «Международный форум — четвертое поколение», позволят выработать согласованное видение безопасного с точки зрения нераспространения развития атомной энергетики.

Заключение Договора о нераспространении ядерного оружия и создание международного режима ядерного нераспространения способствовали коренному изменению отношения к ядерному оружию во всем мире. Из «гениального» открытия, которое приветствовалось вначале, в глазах мировой общественности ядерное оружие превратилось в кару Божию, в подлинное наказание, в смертельную опасность, угрожающую самому существованию человечества, и эта мысль все глубже проникает в сознание миллионов людей.

Массовый характер движения против оружия массового уничтожения дал мощный толчок выступлениям против ядерного оружия, за создание мира, свободного от ядерного оружия, что 10–15 лет тому назад было трудно себе представить. Все чаще стали появляться, особенно с середины 1990-х гг., предложения о полном запрещении и уничтожении оружия массового уничтожения. Это, в частности, заявление 61 высокопоставленного отставного генерала и адми-

рала из 17 стран, включая США и Россию, доклад Канберрской комиссии, доклад Национальной академии наук США, доклад Токийского форума, монография ПИР-Центра «Международный контроль над атомной энергией. Первоначальные планы. Существующие системы контроля за ограничением и сокращением ядерных вооружений. Дальнейшие перспективы», вышедшая в 2003 г., и многие другие. Вновь возрождается интерес к идее установления международного контроля над атомной энергией.

Всеобщая задача, стоящая перед человечеством по недопущению дальнейшего распространения ядерного оружия, является важной связующей политической составляющей, в немалой степени цементирующей отношения между государствами самых различных политических направлений и ориентаций. Не случайно США и Россия, «Большая восьмерка», Европейский Союз, Шанхайская организация сотрудничества, другие межправительственные международные организации занимают сходные позиции по вопросам нераспространения и активно сотрудничают в этой сфере. Этот фактор помогает коллективно решать не только практические вопросы нераспространения («Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения»), но и находить совместные пути решения многих других проблем, которые разделяют мир, прежде всего проблему борьбы с международным терроризмом¹⁵.

Общую оценку состояния режима ядерного нераспространения, разделяемую большинством специалистов, хорошо выразил американский эксперт Дж. Волфстел: «Несмотря на вызовы, с которыми мы сталкиваемся, распространение не является неизбежным, и наше знание того, как и где распространение имеет место, лучше, чем многие считают. Проблема в том, что официальные лица не всегда отдают тот при-

---

¹⁵ Даже в самые суровые годы холодной войны данный фактор играл важную политическую роль в отношениях между Востоком и Западом. Как-то в начале 1980-х гг., в период очередного кризиса между СССР и США, в данном случае вызванного советским вторжением в Афганистан и планами размещения ракет СС-20, А.А. Громыко сказал в узком кругу, что нераспространение ядерного оружия — это «единственная шелковая нить», которая связывает обе державы.

оритет нераспространению, которого оно заслуживает»¹⁶. Другой американский специалист – Дж. Сиринсионе, отметив отдельные недостатки Договора и необходимость принятия дополнительных мер, заявил в ходе слушаний в Комитете по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США, что «в целом режим (нераспространения) является удивительно успешным»¹⁷. Такой вывод был сделан и на организованных ПИР-Центром и Фондом Карнеги за международный мир двух Московских международных конференциях по нераспространению, которые состоялись в 2000 и 2003 гг., а также на Конференции Фонда Карнеги в Вашингтоне в июне 2004 г.

---

¹⁶ Jon Wolfsthal. The Key Proliferation Issues. *Carnegie Endowment Proliferation Brief*. 2004. Vol. 7, No. 6, 24 March.

¹⁷ Testimony of Joseph Cirincione before the House International Relations Committee. 2004, 30 March.

Глава третья

Проблемы поддержания договорного режима

В настоящей главе мы рассмотрим общие проблемы договорного режима, оставив анализ конкретных вызовов нераспространению на последующую главу.

В соответствии с Договором, каждые пять лет проводятся конференции участников для рассмотрения того, как действует Договор, — обычно их называют Обзорными конференциями. Очередная такая конференция состоится в 2005 г. Для подготовки конференций создается Подготовительный комитет, который собирается ежегодно. Три сессии комитета прошли в 2002—2004 гг. Рассмотрим возможные перспективы рассмотрения на конференции 2005 г. хода выполнения наиболее сложных положений Договора о нераспространении.

О ходе выполнения статьи VI ДНЯО

Наибольшее внимание на конференциях, как правило, уделяется вопросам выполнения статьи VI Договора. Несмотря на значительные успехи, достигнутые международным сообществом в деле ограничения распространения ядерного оружия (со времени заключения ДНЯО в мире появились, как известно, только три ядерных государства), и на то, что в последнее десятилетие, особенно после окончания холодной войны, согласованы договоренности о сокращении и даже ликвидации некоторых видов ядерных вооружений, перед миром, тем не менее, стоят огромные задачи по обеспечению

не только предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия, но и по постепенному сведению на нет тех гигантских арсеналов, которые накоплены ядерными державами. В последнее время появилась еще одна проблема, значительно обострившая задачу ядерного нераспространения, — это проблема международного ядерного терроризма¹⁸.

Как справедливо отмечал американский посол в отставке Т. Грэхем, возглавлявший в 1995 г. делегацию США на конференции по продлению Договора о нераспространении, у авторов Договора не было намерений сделать так, чтобы ДНЯО в течение длительного времени оставался по существу дискриминационным режимом. И статья VI Договора совершенно недвусмысленно говорит об этом. Правда, сроки достижения ядерного разоружения указаны не были, но первоначальный срок Договора был ясно определен — 25 лет. И на конференции многие делегации, если не большинство из них, а также присутствовавшие эксперты, включая многих членов международной Программы содействия ядерному нераспространению¹⁹, склонялись к тому, чтобы продлить ДНЯО на 25 лет с возможностью его дальнейшего продления на тех же условиях, какие предусмотрены в Договоре. Предлагавшие такое продление исходили из того, что сократится срок той дискриминации, которая изначально была заложена в Договор, или, во всяком случае, в течение определенного времени был бы сделан решительный шаг к радикальному сокращению ядерных арсеналов, причем не только арсеналов участников Договора, но и тех государств, не участвующих в ДНЯО, которые тоже овладели ядерным оружием (Израиль, Индия, Пакистан)²⁰. Только сильный нажим стран-депозитариев Договора — США, России и Великобритании — и большая и настойчивая работа, проведенная с правительст-

---

¹⁸ Особую опасность может представлять так называемая «грязная бомба» — фактически радиологическое оружие, которое без особых усилий может быть изготовлено террористами из расщепляющихся материалов различной степени обогащения и даже просто из радиоактивных источников.

¹⁹ Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation (PPNN), в которую входил и автор этих строк.

²⁰ См., например: George Bunn, Charles N. Van Doren & David Fisher. Options & Opportunities: The NPT Extension Conference of 1995. PPNN Study Two, 1991.

вами многих государств, позволили добиться на основе консенсуса бессрочного продления срока Договора, при этом, однако, многие делегации, как выше отмечалось, сделали оговорки относительно решения конференции о бессрочном продлении, особенно в том, что касается необходимости полной универсализации Договора.

Главный вопрос, который на протяжении всего существования ДНЯО был и остается самым сложным и конфронтационным, от которого по существу будет зависеть дальнейшая судьба самого Договора, — это проблема достижения контроля над ядерными вооружениями и ядерного разоружения, что предусматривается статьей VI. Одним из основных условий бессрочного продления Договора было принятие на конференции 1995 г. — и тоже на основе консенсуса — документа *Принципы и цели ядерного распространения и разоружения*, в котором были подчеркнуты важность «всеобщего присоединения» к ДНЯО; необходимость завершения Конференцией по разоружению «не позднее 1996 года» переговоров о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); немедленное начало и скорейшее завершение переговоров о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ) и «решительное продолжение всеми ядерными государствами систематических усилий для сокращения ядерного оружия на глобальном уровне с конечной целью ликвидации этого оружия»²¹.

Хотя по своей юридической силе решение о бессрочном продлении Договора, несомненно, имеет гораздо большее значение, чем документ о Принципах и целях, *политические условия*, которые включены в этот документ, содержат огромный и непреходящий смысл и непременно будут сказываться на эффективности и реальной жизнеспособности Договора. Ядерным государствам еще не раз придется столкнуться с требованиями о выполнении ими *Принципов и целей*, особенно в условиях, когда одно из требований, первоначально поддержанное самими Соединенными Штатами, до сих пор остается невыполненным — требование о вступлении ДВЗЯИ в силу.

---

²¹ NPT/CONF.1995/32 (Part 2).

На конференции по ДНЯО 2000 г. после серьезного ослабления Движения неприсоединения (в первую очередь из-за проведения лидером движения – Индией – ядерных испытаний) неядерные страны, представляющие разные континенты мира (Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция), объединившись в группу Коалиция за новую повестку дня (КНПД), предприняли новые активные действия, чтобы вынудить ядерные страны пойти на более решительные меры в реализации статьи VI ДНЯО.

На этой конференции им удалось в развитие *Принципов и целей* 1995 г. выработать *практические* шаги по ядерному разоружению и нераспространению и оказать сильнейший нажим на ядерные державы с тем, чтобы добиться принятия их предложений на основе консенсуса. Страны КНПД сформулировали так называемые *«тринадцать шагов»*:

- 1) Необходимость безотлагательного подписания и ратификации ДВЗЯИ в целях его скорейшего вступления в силу.
- 2) Поддержание моратория на ядерные испытания до вступления в силу этого Договора.
- 3) Проведение переговоров по выработке конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (КЗПРМ).
- 4) Учреждение в рамках Конференции по разоружению (КР) вспомогательного органа, уполномоченного заниматься вопросами ядерного разоружения.
- 5) Соблюдение принципа необратимости по отношению к мерам по ядерному разоружению.
- 6) Недвусмысленное обязательство ядерных государств осуществить полное уничтожение своих ядерных арсеналов.
- 7) Скорейшее вступление в силу Договора СНВ-2 и «сохранение и укрепление Договора по ПРО»²².

---

²² Этот пункт устарел, поскольку Договор СНВ-2 был заменен Московским Договором от 24 мая 2002 г., а Соединенные Штаты вышли из Договора по ПРО.

- 8) Завершение работы по Трехсторонней инициативе США, РФ и МАГАТЭ о международной проверке расщепляющихся материалов оружейного происхождения, высвобождаемых из военных программ²³.
- 9) Осуществление мер по ядерному разоружению при соблюдении международной стабильности (односторонние ядерные сокращения, транспарентность ядерных возможностей, сокращение нестратегических ядерных вооружений, дальнейшее снижение оперативной готовности ядерного оружия, уменьшение роли ядерного оружия, включение всех ядерных государств в процесс полного уничтожения ядерного оружия).
- 10) Постановка всеми ядерными государствами избыточных расщепляющихся материалов под контроль МАГАТЭ с тем, чтобы они постоянно оставались вне военных программ.
- 11) Достижение конечной цели – всеобщего и полного разоружения.
- 12) Представление регулярных докладов о выполнении статьи VI ДНЯО.
- 13) Расширение мер проверки для обеспечения соблюдения соглашений по ядерному разоружению²⁴.

Если сравнивать «*тринадцать шагов*» с *Принципами и целями* 1995 г., то представляется очевидным, что неядерные страны включили в текст целый ряд новых, еще более радикальных положений и конкретизировали некоторые предыдущие. Особую настойчивость они проявили в отношении ДВЗЯИ после того, как американский сенат отказался ратифицировать этот Договор²⁵. По состоянию на октябрь 2004 г. Дого-

---

²³ В ходе переговоров по реализации Трехсторонней инициативы были рассмотрены, но окончательно не согласованы технические, юридические и финансовые аспекты проблемы, поэтому были отложены на неопределенное время вопросы ее практического применения.

²⁴ NPT/CONF.2000/28 (Vol. I, Part I, Article VI, para. 15).

²⁵ В соответствии с Договором регулярно проводятся конференции участников ДВЗЯИ для ускорения его вступления в силу. США, однако, бойкотировали две последние конференции в 2001 и 2003 гг.

вор был подписан 172 государствами, ратифицирован 117, в том числе 32 из 44 государств, ратификация Договора которыми необходима для его вступления в силу.

КНПД непосредственно потребовала учреждения специального органа в рамках КР, уполномоченного заниматься вопросами ядерного разоружения. Страны Коалиции высказались за то, чтобы установить транспарентность ядерных возможностей (capabilities), сократить нестратегические ядерные вооружения, провести дальнейшее снижение оперативной готовности ядерного оружия, поставить всеми ядерными государствами избыточные расщепляющиеся материалы под контроль МАГАТЭ, представлять регулярные доклады о выполнении статьи VI и т.п.

Принятие ядерными державами «тринадцати шагов» на основе консенсуса было весьма трудным делом. Россия и Китай буквально только под занавес конференции дали свое согласие. Причем делегация Китая, не решившись заблокировать консенсус, высказала по мотивам голосования ряд критических замечаний, в частности по вопросам о транспарентности и о представлении регулярных докладов о ходе выполнения ст. VI.

Не подлежит сомнению, что и в дальнейшем КНПД будет настойчиво добиваться реализации «тринадцати шагов». Состоявшиеся в 2002, 2003 и 2004 гг. сессии Подготовительного комитета (Препкома) Обзорной конференции ДНЯО 2005 г. убедительно подтвердили, что в центре внимания будут вопросы выполнения статьи VI. Председатель сессии Препкома-2003 посол Венгрии Л. Мольнар заявил, что разногласия между участниками, прежде всего по этой статье, «не предвещают хорошего на будущее». Предстоят крупные баталии и по другим вопросам выполнения ДНЯО.

Еще более сложным и фактически провальным оказался Препком-2004, который был заключительным перед Обзорной конференцией по ДНЯО 2005 г. и проходил с 26 апреля по 7 мая в Нью-Йорке. В задачу сессии Подготовительного комитета входили выработка консенсусных рекомендаций для конференции и принятие решений по процедурным вопросам этой конференции. Комитет смог достичь общего согласия только по процедурным вопросам и по срокам проведения конференции — она состоится с 2 по 28 мая 2005 г. в

Нью-Йорке. Согласовано также, что председателем конференции будет посол С. Дуарте (Бразилия). Каких-либо рекомендаций по существу вопроса, т. е. как оценивают государства–участники ДНЯО ход выполнения Договора и решений обзорных конференций 1995 и 2000 гг. и что следует предпринять для их реализации, комитет выработать не смог из-за глубоких разногласий между неядерными и ядерными странами и, в значительной степени, из-за негибкой позиции США.

Американская делегация по существу проигнорировала на сессии вопросы выполнения статьи VI, сосредоточив все внимание только на проблеме соблюдения Договора «странами-изгоями» – Ираном и КНДР. Американская делегация, сделав основной упор на проблематику несоблюдения обязательств по ДНЯО, всячески пропагандировала инициативы президента США Дж. Буша в области нераспространения, высказанные им 11 февраля 2004 г., – об ограничении круга стран, владеющих технологиями обогащения урана и химпереработки облученного ядерного топлива, о создании специального комитета Совета управляющих МАГАТЭ по соблюдению гарантий, о недопущении членства в Совете государств, подозреваемых в нарушении обязательств по ДНЯО и о подписании Дополнительного протокола к соглашениям о гарантиях Агентства как условия для дальнейшего развития атомной энергетики.

Однако американские предложения о полном запрете экспорта чувствительных технологий не поддержала на Препкомме ни одна делегация. Они были расценены как противоречащие ДНЯО и как попытка создать еще один «клуб избранных». Идея же Генерального директора МАГАТЭ М. Эльбарая о создании группы экспертов для подготовки предложений по международному контролю над чувствительными объектами ядерного топливного цикла получила достаточно широкую поддержку.

По вопросу создания зон, свободных от ядерного оружия, американцы подтвердили свою позицию по тем Договорам, протоколам к которым США подписали (Тлателолко, Раротонга и Пелиндаба), при этом, как обычно, намеренно обойдя тему создания ЗСЯО на Ближнем Востоке.

Российская делегация на сессии комитета стремилась найти выход из создавшейся ситуации на основе компромисса с тем, чтобы подготовить благоприятную почву для проведения Обзорной конференции 2005 г. В заявлении делегации России было отмечено, что в последние годы в сфере нераспространения накапливаются неблагоприятные тенденции. Это наглядно проявилось в заявлении КНДР о выходе из ДНЯО; нежелании стран, остающихся вне Договора (Индия, Пакистан и Израиль), присоединиться к нему в качестве неядерных государств; известных случаях несоблюдения Договора; появлении негосударственных структур, прежде всего международных террористов; слабости или отсутствии национальных мер экспортного контроля у многих государств. Вызывает озабоченность ситуация с ДВЗЯИ, который является важной мерой нераспространения и ограничения ядерных вооружений. Позитив, который был накоплен в сфере нераспространения за последние десятилетия, должен быть, подчеркнула делегация России, сохранен и преумножен.

Россия продолжает, было заявлено на сессии, практически шагами подтверждать приверженность строгому выполнению своих обязательств в области ядерного разоружения в соответствии со статьей VI ДНЯО. К настоящему времени российской стороной ликвидировано 1250 пусковых установок МБР и баллистических ракет подводных лодок, 2580 самих таких ракет, 43 стратегические атомные подводные лодки и 65 тяжелых бомбардировщиков. По состоянию на 1 января 2004 г. российская сторона располагала 1031 ед. развернутых носителей стратегических наступательных вооружений и 4978 ед. боезарядов, числящихся за ними по Договору СНВ²⁶. Практически выполнены инициативы по сокращению нестратегических ядерных вооружений (НЯО), за исключением ликвидации ядерных боеприпасов сухопутных войск. Процесс уничтожения ядерных боеголовок для тактических ракет наземного базирования, ядерных артиллерийских снарядов и ядерных инженерных мин осуществляется исходя из технологических возможностей предприятий ядерного оружейного комплекса и реальных объемов финанси-

---

²⁶ США имели по состоянию на 1 января 2004 г. 5968 ед. ядерных боезарядов такой же категории.

вания. Было особо отмечено, что все ядерное оружие сосредоточено на территории России, которая ожидает взаимности, и что необходимо вывести все ядерное оружие на национальные территории ядерных держав.

Делегацией РФ было подчеркнуто, что ядерное разоружение, включая сокращение НЯО, невозможно осуществлять в отрыве от других видов вооружений, вне контекста развития политической ситуации в мире и Европе, в частности независимо от состояния дел в обеспечении международной стабильности, от эволюции и расширения военно-политических союзов и т.д.

Как свидетельствуют присутствовавшие на сессии Подготовительного комитета наблюдатели, в том числе представители неправительственных организаций, на заключительном этапе сессии Препкома-2004 неприсоединившиеся страны и многие другие неядерные государства решили не идти на уступки жесткой линии Соединенных Штатов, поддержанной западными ядерными государствами, и предпочли избрать «фигуру ожидания» — в расчете на дальнейшие консультации, которые в период до Обзорной конференции намерен проводить ее будущий председатель бразильский посол С. Дуарте. Не в последнюю очередь неядерные страны ожидают возможных изменений в общей политической ситуации в мире, в особенности изменений, связанных с результатами президентских выборов в США. Насколько правильна и дальновидна эта тактика неядерных государств, покажет время. Конечно, и ядерным державам следует тщательно взвесить, с чем выйти на Обзорную конференцию и, прежде всего, как реагировать на настойчивые требования неядерных стран по реализации ст. VI. Предыдущие обзорные конференции 1995 и 2000 гг. завершались принятием согласованных решений. Если конференция 2005 г. не сможет принять консенсусом заключительный документ, это явится весьма серьезным ударом по авторитету и дальнейшей жизнестойкости Договора и всего нераспространенческого режима.

В конкретном плане, если взять вопрос о *стратегических* вооружениях, то Московский Договор между США и Россией 2002 г. о СНП, предусматривающий сокращение таких вооружений до уровня 1700–2200 ед., не может удовлетворить

неядерные страны, поскольку не предусматривает уничтожение самих ядерных боеголовок. В известных «тринадцати шагах» особо подчеркивается необходимость соблюдения принципа *необратимости* по отношению к мерам по ядерному разоружению. Что же касается нестратегического оружия, то у США, судя по открытой печати, сохраняется и значительное количество нестратегического ядерного оружия. В аналогичной ситуации в соответствии с Московским Договором окажется и Россия – как по стратегическим, так и нестратегическим вооружениям. По данным открытой американской печати, Россией в настоящее время развернуто 3,500 ед.²⁷ нестратегических ядерных вооружений, не считая тех тысяч НЯО, которые находятся на хранении.

Что касается Великобритании и Франции, то они не сообщают каких-либо сведений о том, будут ли они производить хотя бы в одностороннем порядке сокращения, соразмерные тем, которые осуществляют США и Россия. Необходимо при этом учитывать, что односторонние сокращения не подвергаются верификации и поэтому необратимость подобных сокращений никак не подтверждается. Что касается Китая, то он приступил к осуществлению внушительной программы модернизации своих систем ядерных вооружений, и ожидается, что он увеличит свой арсенал таких вооружений.

Из вопросов, касающихся контроля над ядерными вооружениями и ядерного разоружения, страны КНПД и многие другие неядерные государства, помимо проблемы сокращения стратегических вооружений, наибольшее внимание обращали на вопросы сокращения *нестратегического* ядерного оружия (НЯО), вступления в силу ДВЗЯИ и запрещения производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия (ЗПРМ).

Нестратегическое (или тактическое) ядерное оружие (НЯО) было впервые выделено неядерными странами в качестве важной части проблемы разоружения на Обзорной конференции 2000 г. Именно тогда вопрос о сокращении НЯО был включен в число известных «тринадцати шагов». Проблема

---

²⁷ Leonard Weiss. Nuclear–Weapon States and the Grand Bargain. *Arms Control Today*. 2003, December. P. 21–25.

сокращения нестратегического оружия привлекла к себе большое внимание на Подготовительном комитете в 2002 г.

Выступая на Препкоме-2002 от имени КНПД, посол Новой Зеландии Т. Коули подчеркнул, что «сравнительная портативность НЯО и возможность размещения его в непосредственной близости от районов конфликтов делает его более подверженным использованию в боевых действиях или хищению». Т. Коули обратил внимание на «глубоко тревожащие признаки того, что [...] эволюция политики в сфере безопасности ведет к появлению новых конструкций и поколений нестратегического ядерного оружия малой мощности для использования против подвижных и высокоукрепленных целей на большой глубине, а также для противодействия обычному оружию»²⁸.

В рабочем документе, внесенном по этому же вопросу Швецией, Австрией и Мексикой на Препкоме-2002, предлагалось провести «обмен данными относительно запасов и состояния нестратегических ядерных вооружений, положений о безопасности, типах вооружений, их мощности, дальности действия приданных им систем доставки и распределении по регионам», разработать «меры отчетности»; в качестве первого шага «запретить и ликвидировать определенные типы нестратегических ядерных вооружений, включая те из них, ко-

---

²⁸ Подробнее о планах США по созданию новых видов маломощного ядерного оружия, способного поражать глубокие укрепленные цели, и как это может отразиться на дальнейших перспективах ДНЯО см.: Николай Соков. Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? *Ядерный Контроль*. 2003, № 3. С. 71–86; А.С. Дьяков, Е.В. Мясников, Т.Т. Кадышев. Нестратегическое ядерное оружие. Проблемы контроля и сокращения. Издание Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии МФТИ, 2004.

По мнению российских специалистов, «проникающее» ядерное оружие может быть создано не раньше чем через 10–15 лет. Проблема в том, что оно должно будет иметь диапазон мощности от сотен тонн до десятка килотонн при колоссальной внешней защите. Сам ядерный заряд будет окружен плотной оболочкой, которая сгорает при вхождении в землю. Когда сгоревший слой соприкоснется с зарядом, произойдет ядерный взрыв, но это будет уже в десятках метров в глубине земли. По словам директора Института стратегической стабильности академика В.Н. Михайлова, лишь Россия и США сопоставимы по своим ядерным возможностям и потенциалу. Российские ученые-ядерщики, по его словам, «держат руку на пульсе». *Интерфакс-АВН*. 2004, 11 февраля.

которые уже были выведены из arsenалов некоторых государств, обладающих ядерным оружием», в частности осуществить «запрещение ядерных мин, артиллерийских ядерных снарядов, баллистических ракет малой дальности, а также противозенитных и противоракетных ядерных боеприпасов»; разработать меры транспарентности с целью контроля за ликвидацией таких вооружений»²⁹.

Однако как Соединенные Штаты, так и Россия весьма сдержанно отнеслись к настойчивым требованиям неядерных стран принять определенные меры в отношении нестратегического ядерного оружия. Делегация США, сообщив о своих односторонних шагах в отношении НЯО, заявила:

«В течение последних лет Соединенные Штаты рассматривали вопрос о перспективах заключения формальных Договоров о контроле над вооружениями в отношении нестратегического ядерного оружия и пришли к заключению, что такой подход не является возможным. Ввиду характера этого оружия и систем его доставки гораздо труднее иметь уверенность в соблюдении Договора, чем в случае стратегических систем. Системы доставки нестратегического ядерного оружия часто являются системами двойного использования, т. е. они могут использоваться как для обычного, так и для ядерного оружия, что весьма затрудняет возможность удостовериться в том, что они более не предназначены для использования ядерного оружия».

Российская делегация, со своей стороны, изложила сходную позицию, заявив, что

«[...] рассмотрение вопросов тактических ядерных вооружений невозможно осуществлять в отрыве от других видов вооружений. Именно по этой причине [...] односторонние российские инициативы 1991–1992 гг. носят комплексный характер и кроме ТЯО затрагивают также другие важные вопросы, оказывающие существенное влияние на стратегическую стабильность. [...] Деление ядерных вооружений на стратегические и

²⁹ NPT/CONF.2005/PCII/WP.13 от 2 мая 2003 г.

тактические является весьма условным. [...] Естественно, что выработка конкретных предложений по сокращению и ограничению ядерных вооружений должна сопровождаться принятием конкретных мер по ограничению также и других видов вооружений, в том числе и неядерных, а также установлению запрета или ограничений на деятельность с использованием такого вида вооружений в пределах границ досягаемости территории друг друга».

Делегация РФ при этом подчеркнула, что «вывод тактического ядерного оружия, например, из Европы и ликвидация там соответствующей инфраструктуры стали бы важным практическим шагом в процессе преодоления пережитков периода холодной войны»³⁰. Что касается вопроса транспарентности процесса сокращения ТЯО, то этот вопрос является предметом внимания российско-американской рабочей группы и Совета «НАТО-Россия»³¹.

Итак, как видно на основании обсуждения вопроса о НЯО и других ядерных вооружений, статья VI с самого начала, т. е. со времени заключения ДНЯО, и поныне остается наибольшим камнем преткновения для дальнейшего успешного функционирования Договора. Если смотреть на вещи реально, то нельзя не признать, что далеко не многие из тех «тринадцати шагов», которые являются политическими условиями для продолжения действия Договора и успешного прове-

---

³⁰Как известно, в ряде европейских стран НАТО размещены до 200 ед. американских атомных бомб свободного падения. Генеральный секретарь Пагуошского движения П. Котта-Рамусино приводит такие цифры: в Германии – 66 ед., в Великобритании – 33, в Турции – 25, в Италии – 29, в Нидерландах – 11, в Бельгии – 11 и в Греции – 6, итого – 181. (<http://www.uspid.dsi.unimi.it/proceed/cast97/cotta.htm#Heading2>). А.С. Дьяков, Е.В. Мясников, Т.Т. Кадышев в своей работе по НЯО (см. сноску 28) приводят на основе американских данных и своих оценок меньшие цифры – около 140–150 ед., при этом отмечая, что из Греции НЯО выведено (С. 42, 47 и 48). В последние месяцы в некоторых натовских странах ходят разговоры о возможном сокращении численности боезарядов в Европе, но пока это, судя по всему, только разговоры.

³¹Роланд Тимербаев. О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. *Ядерный Контроль*. 2003, № 3. С. 101–108. См. также: Роланд Тимербаев, Александр Шилин. О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. *Ядерный Контроль*. 2003, № 3. С. 101–104.

дения Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г., будут реализованы за остающийся до конференции срок.

Поэтому было бы утопично утверждать, что до начала этой конференции будет сделан существенный шаг в осуществлении «большой сделки» (Grand Bargain), на которой базируется весь Договор о нераспространении и согласно которой неядерные государства отказываются от ядерного оружия, в то время как ядерные державы ведут переговоры и договариваются о прекращении гонки ядерных вооружений и ядерном разоружении. Однако, как показывает более чем тридцатилетняя история Договора, следует опасаться не столько того, что ДНЯО в какой-то момент распадется вообще, сколько того, что он может постепенно, как выразился один американский дипломат, «сойти на нет».

Из вышесказанного вытекает, что по вопросам выполнения статьи VI на Конференции 2005 г. можно ожидать большие бои с непредсказуемыми результатами. В последнее время много говорится о необходимости ядерного оружия для борьбы с международным терроризмом. Но у ряда экспертов возникает законный вопрос: «Сможет ли ядерное оружие защитить нас от террористов? Если нет, то насколько разумно бесконечно владеть арсеналами ядерного оружия, если известно, что террористы стремятся овладеть им?»³²

Какой же путь в сложившихся условиях избрать ядерным державам, чтобы сохранить хотя бы то хрупкое равновесие, которое установилось по статье VI на Обзорных конференциях 1995 и 2000 гг.? Прежде всего, ядерным державам, очевидно, следовало бы постараться убедить ДН, КНПД и другие неядерные государства, что консенсус по этой статье, достигнутый на предыдущих обзорных конференциях, важен и на данном этапе — в интересах как ядерных, так и неядерных государств. Разрушение этого консенсуса привело бы к полному нарушению той относительной стабильности в ядерной сфере, которая существует уже несколько лет.

По статье VI ядерные державы взяли на себя обязательство в конечном счете отказаться от ядерного оружия, и если в нынешней обстановке они по той или иной причине не в состоя-

³² Leonard Weiss. Ibid. P. 25.

нии встать на этот путь, то будет ли способствовать поддержанию международной стабильности появление на мировой арене новых ядерных государств? Ситуация не простая, ее можно назвать даже критической, потому что международная система не может всегда оставаться такой, когда некоторые страны (являющиеся к тому же постоянными членами Совета Безопасности ООН) будут находиться в превосходящем положении на мировой арене за счет того, что они в состоянии иметь превосходящее оружие. Поэтому сравнительный успех Договора о нераспространении не может восприниматься как должное, как постоянная данность, неядерные страны будут неизменно требовать убедительных и необратимых шагов в направлении ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Учитывая разные подходы ядерных держав к ядерному оружию, вряд ли было бы продуктивно попытаться совместно наметить те шаги, которые способствовали бы ослаблению остроты ситуации вокруг статьи VI на предстоящей Обзорной конференции. Тем не менее в ходе подготовительного процесса к конференции, во время традиционных консультаций в рамках ядерной пятерки было бы полезно обсудить такие возможные варианты, которые содействовали бы укреплению международного режима ядерного нераспространения и в то же время ни в коей мере не подрывали бы нынешнее состояние более или менее устойчивой международной стабильности во взаимоотношениях между официально признаваемыми по Договору ядерными государствами:

- Заявление Соединенных Штатов – хотя бы в принципе и, очевидно, после президентских выборов 2004 г. – о намерении ратифицировать ДВЗЯИ. Если этого не произойдет, то Индия и Пакистан, несмотря на сделанные ими заявления о продолжении моратория на взрывы, вполне могут пойти на возобновление ядерных испытаний, а если Индия встанет на этот путь, за ней может последовать Китайская Народная Республика. Китаю весьма необходимы менее мощные боезаряды для целей создания РГЧ ИН для своих межконтинентальных баллистических ракет. В этом случае нельзя исключать возможности «эффекта домино», когда Южная Корея и Япония тоже пойдут по пути ядерного вооружения. Отметим, что Тайвань в 1970-х гг. также имел ядерную программу.

- Специальное заявление ядерной пятерки об их стремлении постепенно добиваться уменьшения роли ядерного оружия (п. 9а «тринадцати шагов») ³³.
- Соединенным Штатам, России и остальным ядерным государствам, а также НАТО следовало бы исходить из того, что единственной ролью ядерного оружия было бы использование этого оружия только против другого ядерного оружия, т.е. публично объявить, что они признают только принцип «центрального сдерживания» («core deterrence»). В пользу такого подхода выступили Канберрская комиссия, доклад Национальной академии США, Токийский форум и другие организации. В этом направлении работает мысль и у влиятельных американских демократов, которые подвергли критике «Обзор ядерной политики» («Nuclear Posture Review»), провозгласивший, что ядерное оружие может быть использовано и для «других целей», помимо «центрального» ядерного сдерживания ³⁴.
- Отсюда вытекает проблема неприменения первыми ядерного оружия. Как известно, ядерные державы уже подписали юридически обязательные протоколы, в которых взяли на себя обязательства не применять и не угрожать применением ядерного оружия против неядерных государств-участников зон, сво-

³³ Российские военные придерживаются такого мнения на этот счет, которое было высказано, в частности, начальником Генштаба ВС РФ Ю.Н. Балуевским: «Мы сегодня с тревогой наблюдаем за своеобразным возрождением ядерного фактора мировой политики, его возвращением на авансцену мировых процессов» (Балуевский Ю.Н. Ядерное сдерживание и сокращение стратегических наступательных потенциалов. *Ядерный Контроль*. 2004. Т. 10, №1(71). С. 32)

³⁴ «Обзор ядерной политики» был утвержден в декабре 2001 г. и частично озвучен в январе 2002 г., но полностью опубликован не был. Критическая статья в его адрес была написана видными сенаторами-демократами Карлом Левиным (в случае победы демократов на выборах он может занять пост председателя сенатского комитета по вооруженным силам) и Джеком Ридом. (*Arms Control Today*. 2004, January/February. P. 10).

Они же дали резко критическую оценку опубликованной в декабре 2002 г. «Национальной стратегии», в которой предусматривается «обнаружение и уничтожение оружия массового уничтожения противника прежде, чем это оружие будет применено» (Ibid. P. 11). По сути, это доктрина превентивного удара, которая, кстати, пользуется симпатией и у некоторых наших военных.

бодных от ядерного оружия, т. е. в отношении более 90 государств (правда, при этом ими были сделаны определенные оговорки). Время от времени Соединенные Штаты, как и другие ядерные державы, дают понять, что в данном вопросе продолжает сохраняться некоторая двусмысленность, в частности в отношении химического и биологического оружия. С учетом необходимости сделать новый важный шаг навстречу неядерным участникам ДНЯО, следовало бы вновь рассмотреть (возможно, на встрече на самом высоком уровне) целесообразность совместного или раздельного торжественного заявления США, России, Великобритании и Франции о неприменении ядерного оружия первыми и об отказе от угрозы применения его первыми. (Как известно, Китай ранее сделал подобное заявление.)

В этой связи представляет значительный интерес мнение бывшего министра обороны США Р. Макнамары о неприменении ядерного оружия первыми. Согласно этому мнению, «ни один хорошо информированный, хладнокровно мыслящий политический или военный руководитель, скорее всего, не прибегнет первым к ядерному оружию. Но политические и военные руководители в моменты острых кризисов не являются ни хорошо информированными, ни хладнокровно мыслящими»³⁵.

Российский военачальник генерал-полковник Ю.Н. Балувеский продолжает эту мысль: «Таким образом, лучше всего не доводить дело до подобных конфликтов. Наилучший способ для этого — переговоры, диалог, разъяснение партнером своей позиции и стремление понять чужую. А наличие конкретных, юридически обязывающих договоренностей — своеобразная гарантия предотвращения многих опасностей и угроз»³⁶.

Оба военных деятеля, каждый по-своему, по существу подводят к мысли, что в нынешнем мире, пережившем холодную войну, имеются достаточные основания взвесить всерьез воз-

³⁵ Цит. по: Балувеский Ю.Н. *Ядерный Контроль*. 2004. Т. 10, №1(71). С. 34.

³⁶ Там же.

возможность принятия принципа и даже обязательства о неприкосновенности ядерного оружия первыми. Огромное политическое значение таких обязательств явно превышает значение возможных недостатков. Конечно, каждая ядерная держава в экстремальной ситуации будет чувствовать себя свободной действовать в своих высших национальных интересах. Ведь существует же право выхода из Договоров его участников при исключительных обстоятельствах, которые они могут рассматривать как поставившие под угрозу их высшие интересы³⁷.

- Было бы также полезно вновь подтвердить в качестве специальной резолюции Совета Безопасности заявление, сделанное Советом на высшем уровне в январе 1992 г., что «распространение всех видов оружия массового уничтожения представляет угрозу международному миру и безопасности»³⁸.
- Договоренность о скорейшем начале *переговоров* в специальном комитете в рамках КР о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Одновременно приступить к *рассмотрению* в специальном комитете вопросов ядерного разоружения. Нужно, однако, учитывать, что даже если удастся приступить к переговорам по ЗПРМ, то возникнут большие трудности и по существу проблемы (в частности, с какой степени обогащения следовало бы запретить производство ядерных материалов), и по вопросам контроля над соблюдением возможной договоренности³⁹.

---

³⁷ Убедительные доводы в пользу обязательства не применять ядерное оружие первыми недавно привели Harold A. Feiveson & Ernest Jan Hogendoorn («No First Use of Nuclear Weapons» *The Nonproliferation Review*. 2003, Summer. Vol. 10, No. 2).

³⁸ Резолюция СБ 1540(2004) от 28 апреля 2004 г. делает ссылку на это заявление только в преамбуле. Суть этой резолюции состоит, как указывалось выше, в принятии мер против негосударственных субъектов.

³⁹ Делегация США выступила на заседании Конференции по разоружению 29 июля 2004 г. с сообщением, что после пересмотра проблемы ЗПРМ администрация Буша пришла к выводу о том, что у нее имеется «серьезная озабоченность» относительно возможности проконтролировать соглашение о ЗПРМ. Это заявление было воспринято членами КР как намерение администрации США по существу поставить крест на всю эту проблему, что, естественно, может вызвать самую негативную реакцию на Обзорной конференции.

Полагаем, что рассмотренные здесь возможные шаги ядерных держав позволили бы провести обсуждение статьи VI на Обзорной конференции 2005 г. в конструктивном духе и сохранить ту атмосферу вполне делового сотрудничества, которая позволила принять на предыдущей такой конференции 2000 г. на основе консенсуса документ о конкретных мерах по реализации статьи VI.

О ходе выполнения статей III и IV ДНЯО

В последнее время, особенно в связи с событиями в Иране, Пакистане и некоторых других регионах и выявлением наличия «черного рынка» распространения ядерных технологий, значительное внимание уделяется статьям III и IV Договора. Согласно первой из них, устанавливается контроль МАГАТЭ за всей ядерной деятельностью неядерных государств—участников ДНЯО, а согласно второй — за участниками Договора признается неотъемлемое право «развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях» и «все участники Договора обязуются способствовать самому полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях и имеют право участвовать в таком обмене». Включение этой статьи стало как бы частью «большой сделки» между ядерными и неядерными государствами, и некоторые неядерные страны воспользовались этой статьей, чтобы организовать собственное производство ядерных материалов, в частности обогащение урана и получение плутония.

Учитывая сложность технологии получения высокообогащенного урана, Ирак, например, в период до 1991 г., когда его тайная военная программа была раскрыта, использовал одновременно не менее шести различных технологий обогащения урана, полагаясь на собственные возможности и получая важное оборудование из более чем десяти государств⁴⁰. Иран тоже признал, что занимался обогащением урана и

---

⁴⁰ Statement of the Director General Mohamed ElBaradei. Op-ed, published in the *Economist*. 2003, 16 October.

производит центрифуги для этой цели (подробнее об этом см. в разделе об Иране в главе 4).

Имеются и другие случаи намерений неядерных стран заняться обогащением урана. Так, в конце 2003 г. появились сообщения о том, что Бразилия приняла решение приступить к обогащению урана в качестве топлива для своей атомной энергетики. При этом сообщалось, что бразильские власти будут возражать против проведения таких инспекций, на которые соглашаются Иран и Ливия⁴¹. Деятельность Бразилии в области обогащения урана привлекла особое внимание после известного заявления министра науки страны Р. Амарала, сообщившего корреспонденту *ВВС* 6 октября 2003 г., что Бразилия не исключает создания возможностей для производства ядерного оружия. Страна располагает 1/6 запасов урана в мире⁴². Инспекторы МАГАТЭ не допускаются на некоторые объекты обогатительного предприятия, что бразильцы мотивируют опасностью раскрытия своих промышленных секретов, утверждая, что их технология обогащения является на 30% эффективнее любой другой⁴³.

Проблемы обогащения урана и наработки и выделения плутония в неядерных странах привлекают сейчас к себе весьма пристальное внимание. Генеральный директор МАГАТЭ Эль-Барадей в журнале *Economist* выступил с идеей *ограничения* переработки материала военного использования (выделения плутония и высокообогащенного урана для гражданских ядерных программ, а также производства свежего материала путем переработки и обогащения), предложив ограничить эти операции исключительно установками, находящимися под международным контролем. При этом ограничения должны будут сопровождаться надлежащими нормами транспарентности и гарантиями. Можно не сомневаться, что предложения, связанные с проблемой статьи IV, будут предметом оживленного рассмотрения на Обзорной конференции 2005 г. Следует также ожидать, что многие неядерные страны, особенно из числа участниц Движения неприсоединения, будут отстаивать свое

⁴¹ James Goodby, Kenneth Weisbrode. «Brazil Gives the US a Nuclear Headache», *International Herald Tribune*, December 31, 2003–January 1, 2004.

⁴² *Arms Control Today*. 2003, November. P. 36.

⁴³ *Arms Control Today*. 2004, May. P. 40.

право на обогащение урана в мирных целях, хотя совершенно очевидно, что если налажено обогащение до 5% по урану 235, то есть возможность довести обогащение и до 95%, т. е. получить уран оружейного качества.

В интервью журналу *Arms Control Today* Эльбарადей, касаясь статьи IV, справедливо заметил, что проблема состоит не в том, строит или не строит страна энергетический или исследовательский реактор. Озабоченность может вызывать страна, располагающая возможностями выделения плутония или обогащения урана. «Полагаю, в будущем можно подумать о возможности иметь дополнительный протокол к ДНЯО, согласно которому можно было бы ограничить право – индивидуальное право стран располагать только отдельными элементами топливного цикла». Генеральный директор МАГАТЭ в этом журнале, а также на конференции Фонда Карнеги в Вашингтоне 21 июня 2004 г. высказал мысль о целесообразности выработки *многонациональных* подходов к проблеме обращения и утилизации отработанного топлива⁴⁴.

В том, что касается производства топлива для АЭС, такой прецедент уже имеется – это «Уренко», обогатительная фирма, находящаяся в совместном владении Нидерландов, Великобритании и Германии на территории Нидерландов. И хотя этот завод может производить высокообогащенный уран, наличие его во владении нескольких упомянутых стран в значительной мере предотвращает возможность получения и использования ВОУ в злоумышленных целях. К сожалению, однако, многостороннее участие в таких чувствительных предприятиях требует особой осторожности и обеспечения самых строгих мер безопасности. Ведь у всех в памяти, что пакистанская бомба – результат деятельности работавшего в «Уренко» пакистанского специалиста А.К. Хана. Прежде чем создавать многосторонние предприятия в такого рода области, следует решить целый ряд крайне сложных проблем их размещения, набора сотрудников и т.п. С этой точки зрения было бы целесообразнее организовать создание международных центров по переработке и утилизации ОЯТ, но здесь возникают другие проблемы – экологии и транспортировки массовых грузов высокой радиоактивности.

---

⁴⁴ *Arms Control Today*. 2003, November. P. 4; <http://www.ceip.org/conference>

Генеральный директор Агентства справедливо ставит также вопрос об универсализации системы экспортного контроля. Заслуживает внимания и его предложение подвергать уголовному преследованию лиц, которые оказывают содействие тем, кто занимается распространением ОМУ⁴⁵.

В рамках усиления контроля над ядерным экспортом и укрепления общей системы гарантий МАГАТЭ на Обзорной конференции было бы полезно обсудить следующие вопросы (некоторые из них предложены правительством США, Генеральным директором МАГАТЭ, российскими экспертами):

- государства, входящие в Группу ядерных поставщиков (в ГЯП в настоящее время входят 45 стран), должны *полностью* отказаться продавать оборудование и технологию для обогащения и переработки урана (сейчас, в соответствии с Руководящими принципами ГЯП, они обязаны только «проявлять сдержанность» в этом отношении, а на последнем саммите «Большой восьмерки» его участники согласились установить годичный мораторий на поставки подобного оборудования). Эльбарადей предлагает преобразовать ГЯП в официальную организацию, базирующуюся на официальном Договоре, а также высказался за включение в ГЯП стран с «растущими промышленными комплексами». Это предложение заслуживает внимания, и было бы желательно, чтобы Обзорная конференция выступила с такими рекомендациями⁴⁶;

---

⁴⁵ Director General Mohamed ElBaradei. Op-Ed Essay. *New York Times*. 2004, 12 February. Вызывает, однако, серьезное сомнение его мысль исключить из ДНЯО право выхода из Договора или сократить срок рассмотрения заявления о выходе из Договора в Совете Безопасности ООН (сейчас – три месяца). На протяжении десятилетий сложилась и укрепилась практика, дающая право на выход из соглашений, относящихся к вопросам национальной безопасности. Кроме того, внесение поправок в Договор – чрезвычайно сложная процедура, которая могла бы привести к внесению в Договор и других, притом весьма нежелательных, изменений.

⁴⁶ Существует также идея создания организации в форме международного картеля, в который вошли бы ядерные державы и, возможно, другие страны, занимающиеся обогащением, которые гарантировали бы обеспечение ядерным топливом стран, имеющих АЭС, но отказывающихся от собственных программ обогащения урана.

- приложить все усилия для расширения состава ГЯП, особенно за счет новых и потенциальных поставщиков;
- рассмотреть вопрос о том, чтобы только те государства, которые присоединились к Дополнительному протоколу, имели право импортировать так называемое «чувствительное» оборудование для гражданских ядерных программ. Это предложение, конечно, потребует принятия государствами специальных юридических норм;
- образовать специальный комитет Совета управляющих по соблюдению системы гарантий, как это было согласовано на последнем саммите «Большой восьмерки» на о. Си-Айленд;
- рассмотреть возможность принятия резолюции СБ ООН с обращением к государствам ужесточить внутреннее законодательство в области нераспространения;
- вести дело к тому, чтобы на Обзорной конференции была поддержана Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР), цель которой состоит в том, чтобы при необходимости посредством применения вооруженной силы и других силовых методов добиваться исключения или, во всяком случае, максимального сокращения перевозки материалов для оружия массового уничтожения. К этим действиям можно было бы привлечь Интерпол и спецслужбы государств. В целом настаивать на том, чтобы в необходимых случаях для обеспечения ядерного нераспространения применялись меры принуждения согласно конкретным потребностям. Однако в этом вопросе на Обзорной конференции следует придерживаться такой линии, чтобы не допустить конфронтации с государствами ДН и КНПД;
- рассмотреть ход осуществления Глобального партнерства против распространения ядерного оружия и материалов массового уничтожения, с целью дать дополнительный импульс реализации этой важной программы. Использовать при этом решения, принятые «Большой восьмеркой» в июне 2004 г.;

- хотя за последнее время, как отмечалось выше, наметилась тенденция к увеличению числа стран, принявших Дополнительный протокол, вести дело к тому, чтобы Обзорная конференция обратилась ко всем участникам ДНЯО, которые этого еще не сделали, – и особенно к тем, которые осуществляют, по определению МАГАТЭ, «значительную ядерную деятельность», – как можно скорее присоединиться к протоколу.

В своем выступлении 11 сентября 2004 г. в Национальном оборонном университете президент Буш выступил с предложением не избирать в Совет управляющих представителей тех государств (например, Ирана), которые находятся под подозрением в отношении возможных программ создания ядерного оружия. Представляется очевидным, что такое предложение не может всерьез рассматриваться членами МАГАТЭ, не говоря уже о том, что это противоречило бы Уставу Агентства, который в ст. VI четко определяет порядок выборов в члены Совета управляющих. К тому же любые подобные подозрения, разумеется, требуют надежного подтверждения проверенными фактами.

Об универсализации ДНЯО

Это один из наиболее сложных вопросов всей проблемы ядерного нераспространения. На предыдущих Обзорных конференциях 1995 и 2000 гг. одним из наиболее конфликтных вопросов была проблема Израиля, которая чуть не сорвала принятие консенсусных решений по бессрочному продлению ДНЯО в 1995 г. и одобрение Заключительного документа в 2000 г. Только экстренные меры, предпринятые государствами-депозитариями, позволили избежать провала конференций⁴⁷.

---

⁴⁷ Под занавес конференции 1995 г. по предложению делегаций государств-депозитариев была принята резолюция по Ближнему Востоку, призывающая к созданию в регионе зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Эта резолюция частично удовлетворила арабские страны. На конференции 2000 г. Израиль был впервые упомянут как единственное государство Ближнего Востока, которое не является участником ДНЯО. Подробнее об этом см. ниже, в следующей главе.

Что касается Индии и Пакистана, которые в мае 1998 г. провели ядерные испытания, то на конференции 2000 г. к ним был обращен настоятельный призыв присоединиться к ДНЯО в качестве неядерных государств и поставить все свои ядерные установки под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ.

Представляется очевидным, что рассчитывать на присоединение всех трех де-факто ядерных государств к ДНЯО в обозримом будущем — дело нереалистичное и, на наш взгляд, даже контрпродуктивное, и поэтому нужно попытаться найти какие-то новые и нестандартные пути вовлечения этих стран в международный режим ядерного нераспространения.

Некоторые независимые эксперты обсуждают идею принятия специального протокола к ДНЯО, в соответствии с которым Индия, Пакистан и Израиль, сохраняя свои ядерные программы, взяли бы на себя обязательства отказаться от их дальнейшего развертывания и согласились бы сотрудничать с международным режимом экспортного контроля, а также пошли бы на запрет ядерных испытаний, постепенно свертывая производство делящихся материалов для ядерного оружия. При этом протокол к ДНЯО должен быть подписан тремя упомянутыми странами и государствами—депозитариями Договора — Соединенными Штатами, Российской Федерацией и Великобританией⁴⁸.

Не говоря уже о том, что предложение о подписании шестью государствами протокола к Договору, участниками которого являются почти 190 государств, представляется юридическим нонсенсом, можно не сомневаться, что со стороны ряда стран будет много возражений против взятия на себя депозитариями исключительного права решать данный вопрос. Поэтому даже идея такого протокола представляется нереалистичной. На наш взгляд, Индия не даст согласия на ядерный статус менее высокий, чем у Китая и других официально

---

⁴⁸ См.: Avner Cohen and Amb. Thomas Graham Jr. WMD in the Middle East: A Diminishing Currency. *Disarmament Diplomacy*. 2004. No. 76, March/April; The same authors. An NPT for Non-Members. (*Bulletin of the Atomic Scientists*. 2004, May/June. Vol. 60, No. 3, P. 40—44). Коэн, израильский эксперт, проживающий в США, является автором известной монографии «Israel and the Bomb» (1998). Посол в отставке Т. Грэхем возглавлял делегацию США на Конференции по продлению ДНЯО в 1995 г.

признаваемых ядерных держав, а для Израиля формальное признание, что он обладает ядерным оружием (во всяком случае, на сегодняшний день), является неприемлемым.

Тем не менее давно назрела необходимость диалога с тремя де-факто ядерными государствами об их вовлечении в режим ядерного нераспространения. Для начала депозитариям следует попытаться совместно или параллельно обратиться к ним с приглашением направить своих наблюдателей на Обзорную конференцию 2005 г. Не уверен, что Индия положительно откликнется на такое предложение, но нужно все же попытаться это сделать. Далее необходимо всерьез рассмотреть возможность включения этих стран в ГЯП в качестве *полноправных* членов. Может быть, пригласить их поучаствовать в очередном саммите «Большой восьмерки» при рассмотрении вопросов нераспространения ОМУ. Из моих бесед с некоторыми ответственными израильскими представителями можно сделать вывод, что в Израиле обдумывают вариант выхода из полной изоляции в атомном вопросе на «трехсторонней основе» — посредством совместных действий с Индией и Пакистаном.

Что касается юридического оформления возможного продвижения этих трех государств к статусу ассоциации с международным режимом ядерного нераспространения, то, когда и если дело дойдет до этого, наиболее подходящим местом для принятия соответствующего решения мог бы стать Совет Безопасности ООН.

В заключение настоящей главы представляется важным еще раз подчеркнуть, что во всех основных вопросах выполнения ДНЯО, которые будут рассматриваться на Обзорной конференции 2005 г., главным приоритетом должно стать обеспечение принятия заключительного документа *на основе консенсуса*. И российская делегация может сыграть в этом деле важную и даже, возможно, решающую роль. У России всегда были традиционно более дружественные отношения с государствами Движения неприсоединения, чем у других депозитариев Договора — США и Великобритании. Однако в прошлом, особенно на Обзорной конференции 2000 г., российские делегации играли менее активную роль, чем по праву им это положено.

Сейчас, с учетом возрастающей роли РФ в международных делах, нашей делегации на Конференции 2005 г. следовало бы действовать, исходя из имеющихся у России более благоприятных возможностей, чем прежде. На наш взгляд, вопросы подготовки к Конференции следовало бы заблаговременно рассмотреть на специальном заседании Совета безопасности России.

Глава четвертая

Вызовы международному режиму ядерного нераспространения

В предыдущих главах мы в основном касались более широких проблем, связанных с самим Договором и его функционированием в конкретной международной обстановке, особенно в течение последнего периода, приближающего нас к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г.

Теперь мы перейдем к ряду важных конкретных вопросов поддержания международного режима нераспространения. В течение почти всего периода своего существования Договор о нераспространении, по существу, постоянно сталкивался с различного рода *вызовами* режиму нераспространения со стороны некоторых государств или регионов. Подобное развитие событий можно было предугадать заранее, поскольку некоторые страны с самого начала дали знать, что они не намерены присоединяться к *неравноправному* Договору, разделяющему страны мира на две категории — ядерные и неядерные государства. С другой стороны, некоторые государства, присоединившись к ДНЯО, в нарушение Договора стали исподволь развертывать свои собственные ядерные программы.

Этот процесс совпал с развитием ядерных технологий и оборудования в промышленно развитых государствах и заинтересованностью многочисленных фирм в продвижении своей продукции на мировые рынки — открытыми, а при необходимости и закрытыми каналами (в этом особую активность проявляли компании и фирмы Франции и Германии). В последнее время стали известны факты, подтверждающие существование «черного рынка» ядерных технологий, в част-

ности, как уже указывалось, выявлен подобного рода рынок, возглавляемый пакистанцем А.К. Ханом.

Ниже мы рассмотрим в объективном ключе конкретные факты, свидетельствующие о наличии ряда серьезных вызовов режиму ядерного нераспространения.

Индия

Еще в период переговоров о ДНЯО (1966–1968 гг.) было достаточно ясно, что некоторые неядерные страны, даже активно участвовавшие в переговорах, откажутся войти в число его участников. Вызывала большие сомнения в первую очередь позиция Индии, которая не раз выдвигала требования, явно направленные на то, чтобы затруднить ведение переговоров и достижение согласия по тексту Договора. Многим было известно, что руководитель индийской ядерной программы Хоми Баба, безвременно погибший в авиакатастрофе в 1966 г., создавал в стране разновекторную атомную инфраструктуру. Хотя бытует мнение, что первый премьер-министр Индии Дж. Неру был сторонником исключительно мирного использования атомной энергии (Неру первый предложил запретить проведение ядерных испытаний), он, судя по многим свидетельствам, поддерживал усилия Хоми Баба в направлении развития независимой атомной программы, которая при необходимости была бы способна создать научно-техническую и промышленную основу для производства и ядерного оружия⁴⁹.

В период переговоров по ДНЯО в 1967 г. высокопоставленные представители Индии дважды посетили Москву для переговоров о получении твердых и безусловных заверений со стороны ядерных держав, что Индия получит *позитивные* гарантии на случай возможного ядерного нападения на нее Китая, т. е. гарантии того, что эти страны придут ей на помощь или сделают необходимые предупреждения КНР, чтобы не допустить тако-

---

⁴⁹ George Perkovich. India's Nuclear Bomb. The Impact on Global Proliferation. Berkeley, CA: University of California Press, 1999. P. 14.; Роланд Тимербаев. Проблемы распространения в Южной Азии: состояние и перспективы. Научная записка ПИР–Центра. 2001, № 17. С. 5, 30.

го нападения. Индийские представители посетили с этой целью также Вашингтон, Лондон и Париж.

По позитивным гарантиям с советской стороны была высказана готовность выступить с заявлением, что нападение ядерной державы на неядерное государство создаст «качественно новую обстановку», требующую немедленного принятия соответствующих мер Советом Безопасности и прежде всего его постоянными членами. Однако советская сторона четко дала понять, что речь идет не об обещании непосредственного использования Советским Союзом ядерного оружия в случае применения такового против Индии, а о том, что вопрос должен незамедлительно решаться Советом Безопасности в соответствии с Уставом ООН, т. е. на основе принципа единогласия его постоянных членов⁵⁰. В конечном счете такая резолюция и была принята Советом Безопасности (255/1968)⁵¹, но она явно не удовлетворила Индию, и индийское правительство в ДНЯО решило не вступать. У участников переговоров с индийскими представителями, в том числе и у меня, сложилось совершенно определенное впечатление, что Индия выдвинула требование о гарантиях против Китая в качестве удобного повода для последующего отказа от участия в ДНЯО.

Дальнейшее развитие индийского атомного проекта достаточно хорошо известно. Во второй половине пятидесятых годов Канада поставила Индии тяжеловодный реактор CIRUS, не потребовав установления гарантий неиспользования его для наработки оружейных ядерных материалов, и только, так сказать, под честное слово, что он будет использоваться исключительно в мирных целях, и уже в 1964 г. на установке в Тромбее был получен плутоний. А в ноябре того же года после китайского ядерного взрыва премьер-министр Л. Бахадур Шастри объявил, что начинается подготовка к созданию мирных ядерных взрывных устройств для таких гражданских целей, как, например, пробивание тоннелей в горах. Первый индийский ядерный взрыв «в мирных целях» был произведен

---

⁵⁰ В тот период место Китая в Совете Безопасности ООН занимал представитель гоиндандановского режима.

⁵¹ В 1995 г. подобная резолюция была в более конкретизированном виде принята Советом Безопасности под номером 984(1995).

в 1974 г. на полигоне Похран в Раджастане. Если принять во внимание внутреннюю обстановку в стране вследствие напряженных отношений с Китаем, то нельзя не признать, что это было достаточно понятным решением, с учетом необходимости должным образом реагировать на китайское ядерное испытание. Но в то же время это усилило и широко распространенные в Индии антиядерные настроения.

Следует отметить, что в Москве спокойно (и, по-видимому, не без внутреннего удовлетворения, учитывая тогдашний характер советско-китайских отношений) восприняли известие о взрыве и не оспаривали утверждение о его якобы «мирном» характере. Пекин ограничился публикацией сообщений телеграфных агентств о проведенном взрыве «в мирных целях». В Вашингтоне госдепартаментом было подготовлено заявление с резкой критикой Индии и обвинением, что ее действия подрывают международные усилия по ядерному нераспространению, однако государственный секретарь Г. Киссинджер предпочел сделать более умеренное заявление⁵². Французский Комиссариат по атомной энергии направил поздравительное послание в адрес КАЭ Индии. Как свидетельствует один из руководителей Комиссариата Б. Гольдшмидт, это послание не согласовывалось с МИД Франции. Однако в дальнейшем именно индийский ядерный взрыв послужил одним из основных побудительных мотивов для принятия ядерными экспортерами, в том числе и Францией, не входившей тогда в ДНЯО, мер по ужесточению ядерного экспорта и созданию Группы ядерных поставщиков (ГЯП)⁵³.

Проведенные Индией и Пакистаном ядерные испытания в мае 1998 г. вызвали резко критическую реакцию в мире, особенно на фоне Каргильского конфликта в октябре 1999 г. и других террористических актов, инициированных из Пакистана, которые так или иначе были связаны с конфликтом из-за Кашмира. Сейчас обстановка в регионе несколько успокоилась, между Индией и Пакистаном ведется примирительный диалог, но кто может гарантировать, что обострение не насту-

---

⁵² George Perkovich. *India's Nuclear Bomb*. P. 183.

⁵³ См.: Р.М. Тимербаев. *Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)*. Библиотека ПИР-Центра. М., 2000. С. 21–23.

пит вновь? По-видимому, после проведения ядерных испытаний и достижения очевидного превосходства над Пакистаном в ядерной и других военных областях можно говорить о том, что Индия эволюционирует в направлении более позитивного подхода к международным режимам нераспространения оружия массового уничтожения, но уже в качестве де-факто ядерного государства. В то же время необходимо иметь в виду и то, что Индия традиционно отрицательно относится к открытости и транспарентности своего ядерного арсенала.

Пакистан

Как и Индия, Пакистан произвел ядерные испытания в мае 1998 г. Известно, что пакистанские специалисты создали оружие на основе обогащенного урана, полученного посредством газоцентрифужного разделения изотопов урана. Эту программу возглавил А.К. Хан, работавший на подобной установке в Нидерландах («Уренко»). После проведения ядерных испытаний риск возникновения вооруженных конфликтов между обеими странами на территориальной, этнической и религиозной почве серьезно возрос, несмотря даже на то, что в феврале 1999 г. в Лахоре состоялась встреча премьер-министров обеих стран, в ходе которой были подписаны двусторонние декларация и меморандум с набором мер укрепления доверия между двумя государствами.

Однако не успели просохнуть чернила, которыми были подписаны эти документы, как в 1999 г. произошла новая острая вспышка медленно тлевшего в течение более полувека конфликта из-за Джамму и Кашмира. Однако на этот раз обе стороны в процессе крупномасштабных военных операций уже «имели за спиной» ядерные арсеналы.

Таким образом, ядерное оружие не только не способствовало сдерживанию многолетнего конфликта, а наоборот, инициировало новую его вспышку, и не случайно президент США Клинтон в ходе визита в Южную Азию в 2000 г. заявил, что индийский субконтинент является «самым опасным местом в мире»⁵⁴. Кто мог бы взять на себя смелость утверждать, что

---

⁵⁴ *PPNN Newsbrief*. 2000, No. 52, 3rd Quarter P. 22.

во время следующего конфликта по поводу Кашмира у одной из сторон не дрогнут нервы и она не совершит непоправимый шаг?

В результате довольно плачевного для Пакистана итога Каргильского конфликта в стране в октябре 1999 г. произошел очередной правительственный переворот, и к власти вновь пришел военный режим, который возглавил генерал Мушарраф. На основании опыта развития Каргильского конфликта индийские военные эксперты делают вывод, что наиболее возможный сценарий ядерных ударов между Пакистаном и Индией, а также Китаем и Индией – это перерастание конфликта с использованием обычных вооружений в ядерный, независимо от причины конфликта.

Если говорить о ситуации в Южной Азии в целом, то в последнее время особой тревоги она как будто не вызывает. Однако вспышка религиозного, этнического или территориального конфликта, особенно из-за Кашмира, в любой момент может разгореться вновь, и с учетом наличия в регионе ядерного оружия ее последствия могут оказаться непредсказуемыми.

Большой международный скандал вызвало признание в начале 2004 г. многолетнего лидера пакистанской ядерной программы А.К. Хана о том, что он в течение ряда лет продавал ядерные материалы и технологию, а также отдельные компоненты, в частности компоненты центрифуг, Ирану, Ливии, Саудовской Аравии, Абу Даби, Алжиру, КНДР, Египту, Индонезии⁵⁵. Более того, один из его подручных имел фабрику в Малайзии, где изготавливались основные элементы центрифуг. Возможно, некоторые из этих элементов попадали и в другие страны⁵⁶. Английская *The Guardian* передала даже экстравагантное сообщение о том, будто Пакистан собирается снабдить ядерным оружием Нигерию!⁵⁷

---

⁵⁵ В СМИ было много спекуляций относительно того, что А.К. Хан мог продавать атомные технологии и даже готовые боезаряды чуть ли не Ирану и Северной Корее.

⁵⁶ По данным американского Совета по внешним сношениям (*USA Today*, 18 February 2004).

⁵⁷ *The Guardian*. 2004, 3 March.

Существует предположение, что А.К. Хан занимался передачей атомных секретов еще при бывших премьерах Б. Бхутто и Н. Шарифе, т. е. до военного переворота, в результате которого к власти в стране пришел генерал П. Мушарраф. Встает вопрос, какую роль сыграл в этой истории генерал Мушарраф? Признания А.К. Хана и задержание его ближайших сотрудников, как сообщала местная пресса, — это, скорее всего, только полуправда. Ядерные технологии и так бесконтрольно утекали из страны. Как заявил 5 февраля 2004 г. Генеральный директор МАГАТЭ Эльбаррадей, эта история «является лишь вершиной айсберга». «Нам необходимо знать, кто производил центрифуги для производства обогащенного урана, использующегося при изготовлении ядерного оружия»⁵⁸. По сообщениям СМИ, Мушарраф помиловал А.К. Хана. Расследованием деятельности Хана занялось МАГАТЭ. По словам Эльбаррадея, «свет на эту нелегальную деятельность дилеров атомного «черного рынка» был пролит в результате работы инспекторов МАГАТЭ по верификации ядерных программ Ирана и Ливии».

Израиль

Как широко известно, Израиль создал свое атомное оружие с помощью Франции. Между обеими странами было заключено секретное соглашение о строительстве промышленного тяжеловодного реактора в Димоне (в пустыне Негев) мощностью 26 МВт (доведенной позднее до 40, а потом и до 70–150 МВт). Одновременно строилась установка для выделения плутония. Несмотря на запрет, установленный Шарлем де Голлем после его прихода к власти в 1958 г., французская промышленность продолжала оказывать помощь Израилю в сооружении этих установок. Кроме того, Израиль получал тяжелую воду из Норвегии. Французские политики и политологи открыто признают, что Франция оказывала помощь Израилю в создании ядерного оружия с учетом напряженных отношений с арабами, особенно в период алжирских событий 1950–1960 гг.

---

⁵⁸ *Коммерсант*. 2004, 6 февраля.

Что касается различных американских администраций, то они, как правило, в отношении израильской атомной программы занимали неоднозначную позицию, чаще всего закрывая глаза на ее развитие. Администрация Д. Эйзенхауэра, пишет израильский исследователь А. Коэн, узнала о Димонском проекте в 1958–1959 гг., но никакого противодействия не оказала, установив тем самым «прецедент, согласно которому израильская программа по созданию ядерного оружия рассматривалась в качестве особого случая»⁵⁹. «Конец 1950-х гг., – считает Коэн, – по всей видимости, был единственной возможностью, когда Соединенные Штаты могли бы оказать на Израиль успешный нажим, с тем чтобы он отказался от проекта создания ядерного оружия в обмен на американские гарантии безопасности. Но этот шанс был упущен»⁶⁰.

Димонский реактор начал нарабатывать плутоний в 1966 г., тогда же заработала и установка по выделению плутония. Имелись сведения, что французы оказывали израильтянам содействие в разработке конструкции ядерного устройства и, возможно, поделились информацией, полученной после своих ядерных испытаний в Сахаре. Сотрудничал с Израилем в атомной области и режим апартеида в ЮАР. О существовании израильской военной ядерной программы весь мир узнал «из первых рук» после известных разоблачений, сделанных израильским атомным специалистом М. Вануну в 1986 г.

Наличие у Израиля ядерного оружия является постоянным источником конфликтов и даже войн между ним и странами Ближнего Востока, в которых принимали то или иное участие и внерегиональные государства. Хотя израильское руководство никогда не признавало наличия ядерного оружия (официальная позиция с 1960-х гг.: Израиль «первым не введет ядерное оружие в арабо-израильский регион»⁶¹), общепризнанно, что он этим оружием располагает (эксперты называют 100–200 ед.). Как недавно писали А. Коэн и Т. Грэхем, в конце 1966 г. президент Л. Джонсон был информиро-

---

⁵⁹ Avner Cohen. *Israel and the Bomb*. N.Y.: Columbia University Press, 1998. P. 84–85.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Впрочем, премьер-министр И. Рабин заявил в 1974 г., что «мы не можем позволить себе стать второй страной, которая делает это».

ван директором ЦРУ Р. Хелмсом, что Израиль достиг уровня развития своей ядерной программы для изготовления первого взрывного устройства, однако Джонсон приказал скрыть этот факт даже от госсекретаря Д. Раска и министра обороны Р. Макнамары⁶².

Арабские и другие ближневосточные государства никогда не могли смириться с фактом существования израильского ядерного арсенала. Так, на состоявшейся в Нью-Йорке в апреле—мае 1995 г. Конференции по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия обсуждение атомной проблемы на Ближнем Востоке прошло в весьма конфронтационной обстановке. Открытое игнорирование Тель-Авивом приглашения присоединиться к ДНЯО стало одной из острейших проблем конференции. Целью арабских государств было попытаться заставить Соединенные Штаты и ЕС оказать давление на Израиль с целью прекращения военной ядерной программы, обеспечить международный контроль через МАГАТЭ над свертыванием этой программы и, в конечном счете, произвести размен: Израиль отказывается от ядерного оружия, а Сирия, Ливия и ряд других государств отказываются от запасов химического оружия и разработок в области биологического оружия. Как стратегический результат, на Ближнем Востоке создавалась бы зона, свободная от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Понятно, что в тактическом плане именно конференция по продлению Договора могла бы послужить наиболее подходящим местом для политико-дипломатического торга с США, где арабские государства могли бы прибегнуть к любым дипломатическим ходам, вплоть до угрозы выхода их из ДНЯО.

Тем не менее арабские государства оказались подвержены общему синдрому Движения неприсоединения и не смогли консолидироваться даже на почве общих интересов. Выработка единой линии по вопросам поведения на конференции и продления ДНЯО оказалась невозможной. Египет попытался возглавить арабские силы на конференции, объявив, что не может поддержать бессрочное продление, потому что

---

⁶² *Bulletin of the Atomic Scientists*. Op. cit. P. 40.

Израиль отказывается договориться о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке или сделать другие уступки своим арабским соседям в этом вопросе. Соединенные Штаты надеялись ранее, что Египет отдаст свой голос в поддержку бессрочного продления ДНЯО, однако тогдашний египетский министр иностранных дел Амр Муса заявил, что безопасность его страны не может быть гарантирована соглашением, которое не охватывает Израиль. Амр Муса подчеркнул, что в течение 20 лет Египет прикладывал усилия к делу ликвидации ядерного оружия на Ближнем Востоке. Он солидаризировался со многими неядерными странами в том, что «прогресс, достигнутый в осуществлении ДНЯО, не оправдывает ожиданий его отцов-основателей». Жесткая позиция Египта оказалась неприятным сюрпризом для США.

Несмотря на приближавшийся финал конференции, договориться с Египтом об отказе от столь жесткой позиции не удалось. В качестве компромисса была выдвинута идея о том, что к уже разрабатывавшимся итоговым документам о бессрочном продлении ДНЯО и мерам по укреплению международного режима нераспространения необходима также ближневосточная резолюция, достаточно аморфная по содержанию, однако уже одним фактом своего существования частично умиротворявшая Египет и его сторонников. Был распространен проект резолюции группы арабских стран, возглавляемых Египтом, и подписанный также в качестве соавторов Алжиром, Бахрейном, Египтом, Ираком, Иорданией, Кувейтом, Ливией, Мавританией, Марокко, Катаром, Саудовской Аравией, Суданом, Тунисом, Йеменом, в котором конференции предлагалось выразить «глубокую озабоченность продолжающимся нахождением на Ближнем Востоке бесконтрольных ядерных объектов Израйля», призвать Израиль «без промедления присоединиться к ДНЯО и поставить всю свою ядерную деятельность под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ», призвать «все государства Ближнего Востока предпринять практические шаги по созданию [...] ближневосточной зоны, свободной от ОМУ: ядерного, химического, биологического и систем их доставки, и вплоть до создания такой зоны воздерживаться от любых мер, которые могут помешать осуществлению этих задач»; наконец, «пригласить пять ядерных государств предоставить в качестве

приоритетной задачи и временной меры льготные гарантии безопасности государствам региона — членам ДНЯО»⁶³.

В таком виде проект являлся заведомо неприемлемым. Невозможно было представить, чтобы его поддержали США, прежде всего из-за прямого упоминания Израиля. Кроме того, последний пункт о *льготных гарантиях* безопасности также вряд ли бы устроил ядерные государства, включая и Россию. Тем не менее российская делегация высказала соображение, что нельзя отмахиваться от данного проекта, надо работать над ним, с тем, чтобы в результате и произвести обмен: ближневосточные арабские государства и Иран получат смягченный вариант их резолюции на основе консенсуса, а взамен они согласятся присоединиться к консенсусу по вопросу о продлении Договора.

Работа над переписыванием резолюции предстояла огромная, а оставался всего лишь один день до завершения конференции. Соединенные Штаты, Россия и Великобритания согласились, как страны-депозитарии Договора, стать соавторами, и в результате работы над текстом он значительно изменился. Из него исчезло прямое упоминание Израиля; кроме того, было снято положение о предоставлении ядерными государствами гарантий безопасности для стран региона — членов ДНЯО. В конечном итоге Египет и другие арабские государства приняли этот текст⁶⁴. Объясняется это не только и не столько давлением США. Среди большинства арабских делегаций, прежде всего у делегации Египта, в ходе конференции постепенно сформировалось убеждение, что альтернативой данному, пусть и не вполне полноценному, обмену может стать только прямой раскол стран-участниц ДНЯО, в результате которой задача ликвидации ядерного оружия Израиля отодвинулась бы на неопределенный срок, а образ Израиля как виновника нестабильности померк, уступив место критике в адрес самих арабских государств, которые можно будет обвинить в экстремизме. Сказался такой фактор, как противоречия между самими арабскими государствами. Наконец, принятие резолюции, соавторами которой стали США, Рос-

⁶³ Док. NPT/CONF.1995/L.7.

⁶⁴ Док. NPT/CONF.1995/32 (Part I). Резолюция по Ближнему Востоку.

сия и Великобритания, позволяло арабским государствам в дальнейшем требовать выполнения ее буквы и духа. Вариант «хлопанья дверью» такую возможность отсекал.

Тем не менее Египет и некоторые другие арабские страны после принятия конференцией на основе консенсуса решения о бессрочном продлении Договора выступили с заявлениями о том, что они резервируют свое отношение к этому решению.

В Заключительном документе следующей Обзорной конференции по рассмотрению ДНЯО 2000 г., принятом консенсусом, впервые упомянут Израиль в таком контексте: Конференция отмечает, что «все государства региона Ближнего Востока, за исключением Израиля, стали государствами—участниками Договора о нераспространении ядерного оружия. Конференция приветствует присоединение этих государств и подтверждает важность присоединения Израиля к ДНЯО и постановку всех его ядерных установок под всеобъемлющие гарантии МАГАТЭ в интересах достижения цели всеобщего присоединения к Договору на Ближнем Востоке»⁶⁵. Однако включение в Заключительный документ конференции подобной формулировки, в целом устраивающей арабские государства, ни в коей мере не способствовало в практическом плане какому-либо движению вперед в решении атомной проблемы на Ближнем Востоке. Можно ли рассчитывать на то, что следующая конференция по ДНЯО, которая состоится в 2005 г., внесет какой-либо реальный вклад в обеспечение нераспространения в этом регионе? Как это представляется, во всяком случае на сегодняшний день, возможности обзорных конференций по ДНЯО в данной области являются весьма ограниченными.

---

⁶⁵ (NPT/CONF.2000/28 (Vol. I, Part I). В журнале *Nonproliferation Review* (2000, Summer. Vol. 7. No. 2. P. 175–176) опубликована переписка между проф. Дж. Стайнбергом (Израиль) и Т. Рауфом (Канада), в которой израильский ученый утверждает, что Израиль не давал согласия на упомянутую формулировку, в то время как канадский эксперт, участвовавший в конференции, твердо уверен в том, что она была согласована с Тель-Авивом. Ныне Т. Рауф является ответственным сотрудником секретариата МАГАТЭ.

Как явствует из хода подготовки к конференции 2005 г. в рамках Подготовительного комитета предстоящей конференции, страны Ближнего Востока будут и дальше настойчиво добиваться присоединения Израиля к ДНЯО и создания ЗСОМУ. В фактологическом резюме председателя комитета по итогам сессии, состоявшейся в 2002 г., напоминает, что резолюция по Ближнему Востоку, принятая в 1995 г., «сохраняет свою силу до тех пор, пока не будут реализованы поставленные в ней цели и задачи». «Эта резолюция является существенно важным элементом итоговых документов Конференции 1995 г. и основой, с опорой на которую действие Договора о нераспространении ядерного оружия в 1995 г. было бессрочно продлено в 1995 году без голосования»⁶⁶. Представляется, однако, очевидным, что подобного рода формулировки к реальным результатам пока, увы, не приводят. Препком-2004, как уже указывалось выше, не смог договориться о включении в свой доклад для конференции даже фактологического резюме. В этих условиях можно с полным основанием предполагать, что вопрос об израильском ядерном арсенале будет одним из наиболее конфронтационных вопросов на Обзорной конференции 2005 г.

Как полагает американский эксперт Р. Айнхорн, в прошлом ответственный работник госдепартамента, от самого Израиля не приходится ожидать многого. Было бы полезно, считает он, чтобы Израиль заявил, что в контексте всеобщего и прочного мира на Ближнем Востоке он готов отказаться от «ядерного выбора», если и другие государства региона, включая Иран, поступят аналогичным образом. В начале 1990-х гг. Израиль занимал такую позицию и, как считает Айнхорн, продолжает ее придерживаться, но «сейчас об этом помалкивает». Айнхорн полагает, что «для Израиля было бы важно публично подчеркнуть, что он готов отказаться от ядерного оружия при определенных условиях»⁶⁷.

К сожалению, израильское руководство в недостаточной степени отдает отчет в том, что многие беды, переживаемые на-

⁶⁶ *Ядерный Контроль*. 2002, № 4, июль-август. С. 12.

⁶⁷ Einhorn Robert J. Curbing Nuclear Proliferation in the Middle East. *Arms Control Today*. 2004, March. P. 13.

родом Израиля, который на протяжении десятилетий находится фактически в состоянии войны с арабами Палестины и многими арабскими государствами, происходят оттого, что Израиль владеет ядерным оружием, а другие страны Ближнего Востока — нет. Поэтому-то и существует проблема распространения ОМУ в этом регионе. Между тем правительство Израиля с упорством, достойным лучшего применения, неизменно отказывается даже от обсуждения атомной проблемы на Ближнем Востоке, не говоря уже о практическом ее решении⁶⁸.

В последнее время израильское правительство стало проявлять некоторую «открытость» в отношении своего ядерного статуса. В частности, премьер-министр А. Шарон заявил, что Израиль в интересах безопасности страны сохранит за собой право использовать «любой потенциал сдерживания»⁶⁹. Впрочем, не похоже, что это сколько-нибудь приближает решение атомной проблемы на Ближнем Востоке, поскольку Израиль по-прежнему отказывается от ее обсуждения.

Ирак

Среди специалистов существует мнение, что Ирак, приступив к интенсификации атомных работ в середине 1970-х гг., уже тогда втайне вел дело к созданию ядерного оружия, хотя он и присоединился к ДНЯО еще в 1969 г., а два его небольших исследовательских реактора — советский (запущенный в эксплуатацию в 1968 г.) и французский (1980 г.), а также строившийся более мощный французский реактор были поставлены под гарантии МАГАТЭ.

Как и в случае с Израилем, самая существенная помощь поступала из Франции. В ноябре 1975 г. тогдашний премьер-министр Франции Ж. Ширак подписал в Париже соглашение с С. Хусейном об использовании атомной энергии в мир-

---

⁶⁸ Подробнее об этом см.: Р.М. Тимербаев. Ближний Восток и атомная проблема. *Ядерный Контроль*. 2003, осень. Т. 9, № 3. С. 15—48.

⁶⁹ *Росбизнесконсалтинг*. 2004, 2 августа.

ных целях, а в 1976 г. был заключен контракт на строительство двух исследовательских реакторов — *Таммуз 2* мощностью 800 КВт и *Таммуз 1 (Озирак)* мощностью 40 МВт. В 1978 г. Ирак покупает в Италии лабораторию по химпереработке отработанного топлива⁷⁰.

Кроме того, в 1980–1981 гг. Ирак закупил необычно большое количество природного урана у Бразилии, Португалии, Нигера и Италии.

Очевидным признаком военного направления иракской атомной программы стал тот факт, что реактор *Озирак* должен был иметь довольно большую мощность и, следовательно, мог нарабатывать значительные количества плутония. Еще не достроенный реактор до загрузки в него ядерного топлива был уничтожен израильской авиацией в июне 1981 г., и это стало причиной крупного международного скандала, а также получило осуждение со стороны ООН и МАГАТЭ. Налет был совершен поставленными Соединенными Штатами самолетами *F-16*, сообщалось также, что Израиль имел доступ к соответствующей разведывательной информации, полученной с американских спутников⁷¹.

Создавая инфраструктуру для изготовления атомного (а также химического) оружия, иракское руководство предполагало обзавестись противовесом — прежде всего, израильскому ядерному оружию, но после начала войны с Ираном в 1980 г., продолжавшейся восемь лет, не в последнюю очередь имелось в виду иметь оружие массового уничтожения и против Ирана, а также, возможно, и Турции. Известно, что в 1988 г. Ирак применял химическое оружие, в том числе и против курдского населения страны в отместку за поддержку курдами Ирана.

Еще до захвата Кувейта в 1990 г. и последовавших за этим событий Ирак по многим каналам пытался получить в ряде западных государств (в ФРГ, США, Великобритании), а также

⁷⁰ Pean Pierre. *Les Deux Bombes*. P.: Fayard. P. 164.

⁷¹ Spector Leonard S. with Smith Jacqueline R. *Nuclear Ambitions. A Carnegie Endowment Book*. Westview Press, 1990. P. 188.; Илья Фабричников и Андрей Фролов. Контрраспространение: хорошо забытое старое. *Ядерный Контроль*. 2003, № 4. С. 137–150.

в КНР различные материалы и оборудование, необходимые для организации производства ядерного оружия⁷². Сообщения о возможной иракской военной ядерной программе отчасти игнорировались, потому что в 1980-е гг. ряд государств Запада видел Ирак под властью Хусейна главным противником расширению влияния Ирана в регионе.

После того как Ирак потерпел поражение в результате операции «Буря в пустыне» в 1991 г., инспекционная деятельность созданной Советом Безопасности ООН специальной комиссии – ЮНСКОМ совместно с МАГАТЭ, осуществлявшаяся по решению Совета (резолюции 687 и 715), выявила и доказала, что Ирак проводил широкую программу по овладению ядерным оружием, а также другими видами оружия массового уничтожения. Согласно данным, установленным ЮНСКОМ, с 1982 г. Ирак форсированно осуществлял программу по обогащению урана с целью доведения его до оружейного качества. При этом использовались практически все известные технологии обогащения, включая электромагнитное разделение изотопов, газовые центрифуги и лазерное разделение изотопов.

Все производственные мощности по получению ядерных материалов и созданию из них боезарядов по решению ООН были уничтожены или выведены из строя. Обогащенный уран в форме свежего и облученного топлива вывезен в Россию под гарантиями МАГАТЭ. Соответствующие меры были осуществлены и в отношении других видов оружия массового уничтожения. За Ираком было оставлено право иметь баллистические ракеты дальностью не более 150 км (дабы они не могли достигать территории Израиля). В сентябре 1994 г. тогдашний Генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс заявил, что Агентство завершило демонтаж иракской ядерной программы. В соответствии с решением Совета Безопасности ЮНСКОМ в сотрудничестве с МАГАТЭ продолжила осуществление мониторинга в Ираке – с тем чтобы не допустить возрождения атомной и других программ, запрещенных ООН.

---

⁷² Spector. P. 191–193.

Однако в декабре 1998 г. С. Хусейн отказался предоставлять инспекторам неограниченный доступ в страну без получения твердого обязательства отменить остающиеся санкции, применяющиеся против Ирака. В результате инспекторы вынуждены были покинуть Ирак. Через год – в декабре 1999 г. – Совет Безопасности принял резолюцию 1284, в соответствии с которой создавалась новая комиссия – ЮНМОВИК, но и она в течение длительного времени не могла возобновить инспекционную деятельность в сотрудничестве с МАГАТЭ.

Лишь после выступления президента США Дж. Буша в ООН 12 сентября 2002 г., в котором он пригрозил Хусейну, что при дальнейшем отказе Ирака от выполнения решений ООН Соединенные Штаты могут предпринять односторонние действия с целью заставить Ирак соблюдать резолюции СБ ООН, Багдад заявил, что инспекторы ООН будут допущены в страну без каких-либо условий.

В подкрепление позиции администрации Буша Конгресс США принял резолюцию, предоставляющую Бушу полномочия на использование военной силы против Ирака, и 16 октября 2002 г. эта резолюция была подписана президентом. Следует также отметить, что еще в 1998 г. в одном из законов, принятых Конгрессом, содержался пункт о том, что «политика Соединенных Штатов должна быть направлена на то, чтобы добиваться отстранения режима С. Хусейна от власти и замены его демократическим правительством»⁷³.

8 ноября 2002 г. Совет Безопасности единогласно принял резолюцию 1441, согласно которой Ирак должен был в месячный срок представить «точную и полную» декларацию о своих программах в области оружия массового уничтожения, а инспекторы должны были получить незамедлительный и беспрепятственный доступ ко всем местам, включая президентские дворцы, которые они пожелают проинспектировать, а также возможность опрашивать всех, кого они сочтут необходимым проинтервьюировать. Резолюция констатировала, что Ирак продолжает «серьезно нарушать» предыдущие

⁷³ Цит. по: *Arms Control Today*. 2002, November. Vol. 32, No. 9. P. 26.

резолюции Совета, но в то же время Ираку предоставляется последний шанс выполнить свои обязательства по разоружению. 19 ноября Ирак согласился выполнить резолюцию, а 7 декабря представил Совету Безопасности требуемую декларацию объемом в 12 000 стр.

Вплоть до середины марта 2003 г. инспекторы ЮНМОВИК и МАГАТЭ вели в Ираке масштабную и интенсивную инспекционную деятельность. Руководители обеих организаций — Х. Бликс и М. Эльбарадей в своих периодических докладах Совету Безопасности констатировали, что никаких признаков возобновления атомной программы не обнаружено, в то время как в выполнении ракетного и химического разоружения имеются отдельные упущения. В частности, сохранилось некоторое количество ракет с дальностью, несколько превышающей 150 км, т. е. способных достигать территории Израиля. Это было нарушением прежних резолюций Совета Безопасности. По требованию ЮНМОВИК Ирак согласился уничтожить эти ракеты, и процесс их ликвидации начался.

Однако тем временем, несмотря на примиренческий характер действий иракской стороны, Соединенные Штаты при активной поддержке Великобритании стали сколачивать коалицию государств для осуществления карательной операции против Ирака и стягивать в район крупные военные силы. Настойчивые попытки США и Великобритании добиться принятия Советом Безопасности резолюции, санкционирующей вооруженное вторжение в Ирак, успеха не имели, поскольку им не удалось набрать необходимое количество голосов в Совете. Франция, Россия, Китай и Германия объявили, что они будут голосовать против такой резолюции. В этих условиях администрация Буша не решилась ставить резолюцию на голосование, и 20 марта 2003 г. вооруженные силы США и Великобритании совершили вторжение в Ирак без санкции Совета Безопасности.

Соединенные Штаты давно стремились свергнуть режим С. Хусейна. По данным Фонда Карнеги за международный мир, группа влиятельных должностных лиц администрации США и американских экспертов еще в 1991 г. высказывалась за то, чтобы не завершать операцию «Буря в пустыне» до

свержения правительства Ирака. В 1992 г. П. Вулфовиц, занимавший тогда пост заместителя министра обороны по политическим вопросам (сейчас – первый зам. министра), руководил подготовкой Руководства по оборонной политике (Defense Policy Guidance), в котором содержался план превентивного военного вмешательства в Ирак для обеспечения «доступа к жизненно важным сырьевым материалам, прежде всего к нефти в районе Персидского залива». В документе предлагалось, чтобы США, если бы не удалось сколотить коалицию государств, действовали в одиночку. В 1996 г. Р. Перл, Д. Фейт и Д. Вёрмсер, занимавшие крупные посты в администрации Буша⁷⁴, направили только что пришедшему в Израиле к власти правительству партии Ликуд предложение отказаться от политики переговоров с палестинцами на основе принципа «обмена территории на мир». «Израиль, – писали они, – может сформировать свое стратегическое окружение [...] путем ослабления, сдерживания и даже «отбрасывания» Сирии. Эти усилия могут быть сконцентрированы на удалении С. Хусейна от власти. [...] Будущее Ирака может круто изменить стратегический баланс на Ближнем Востоке». В 1998 г. 18 видных неоконсерваторов, большинство из которых вошло в правительство Буша, в том числе Д. Рамсфельд, П. Вулфовиц, Р. Армитедж, Дж. Болтон, Р. Перл, направили письмо Б. Клинтону с призывом «добиваться свержения режима Саддама Хусейна». Сразу же после 11 сентября 2001 г. П. Вулфовиц предлагал совершить нападение на Ирак, однако госсекретарь К. Пауэл и Объединенный комитет начальников штабов высказались против. Тогда Пауэл взял верх, но не надолго⁷⁵.

---

⁷⁴ Р. Перл вышел из правительства в конце марта 2003 г., как сообщали СМИ, в связи с «конфликтом интересов», поскольку он работал на нефтяную компанию, имеющую интересы в Ираке. Уйдя из правительства, Перл вместе с соавтором Д. Фрумом выпустил книгу, которую уже окрестили «учебником победы», где предлагаются такие экстраординарные меры, как, в частности, воздушная и морская блокада КНДР, Ж. Ширак представляется в образе врага, Саудовскую Аравию предлагается «взять в осаду» и т.п. (*Росбизнесконсалтинг*, 2004, 13 января)

⁷⁵ Cirincione Joseph. Origins of Regime Change in Iraq. Carnegie Endowment Proliferation Brief. 2003. Vol. 6, No. 5, 19 March.

Анализируя иракскую военную операцию, ведущий специалист Фонда Карнеги по нераспространению Дж. Сиринсионе писал:

«Для ястребов в администрации Ирак только начало, а не конец. Ирак — старт плана по изменению всех режимов на Ближнем Востоке. “Существует колоссальный потенциал для перестройки региона, — считает Р. Перл. — Если такой тиран, как Саддам Хусейн, будет низложен, то и другие (народы) начнут думать и действовать в направлении свержения тиранов, которые угнетают их”»⁷⁶.

«Уничтожать режимы, а не арсеналы» — этого, с позволения сказать, «принципа» стали, не задумываясь о будущих последствиях, придерживаться американские лидеры после потрясения от трагедии 11 сентября 2001 г. Представляется очевидным, что Соединенные Штаты, предпринимая военную операцию против Ирака, руководствовались отнюдь не официально объявленной целью уничтожения там ядерного и других видов оружия массового уничтожения и не только задачей свержения правительства Хусейна, а гораздо более широкими геополитическими и экономическими интересами, простирающимися и за пределы этого региона.

За сравнительно быстрым завершением военной стадии операции в Ираке начался длительный и крайне сложный процесс внутреннего обустройства Ирака. В стране развернулась партизанская и фактически даже гражданская война. Администрация Буша, несомненно, будет стремиться к тому, чтобы конечным результатом было создание в стране режима, основанного на началах, приемлемых в первую очередь для США. Но как бы ни пошел и чем бы ни закончился этот процесс — об этом пока можно только гадать, поскольку он, видимо, займет не один год, в любом случае в общих интересах — и данного региона, и всего международного сообщества (конечно, в том числе и России) — использовать все имеющиеся возможности, чтобы содействовать успешному политическому урегулированию в регионе в рамках международ-

---

⁷⁶ Cirincione. The Shape of the Post-War World. Carnegie Endowment Proliferation Brief. Vol. 6, No. 6, 26 March.

ного права и под эгидой Совета Безопасности ООН, непременно включающему обеспечение нераспространения ОМУ и контроля над вооружениями.

Что касается сохранения на территории Ирака оружия массового уничтожения, что явилось формальным поводом для оккупации страны, то оккупирующие державы — США и Великобритания — так ничего там и не обнаружили, что было признано руководителем американской группы инспекторов Д. Кейем.

22 мая 2003 г. Совет Безопасности принял резолюцию 1483, в которой подтвердил, что «Ирак должен выполнить свои обязательства в области разоружения». В резолюции также говорилось, что Совет «побуждает» США и Великобританию «регулярно информировать Совет о своей деятельности в этом отношении», и содержалось заявление о «намерении Совета вновь рассмотреть» мандаты ЮНМОВИК и МАГАТЭ, предусмотренные резолюциями СБ 687, 1284 и 1441. 5 июня Совет заслушал доклад⁷⁷ председателя ЮНМОВИК Ханса Бликса, который заявил, что до начала военных действий в Ираке и выезда из страны инспекторов комиссия не обнаружила данных, свидетельствующих о «продолжении или возобновлении» программ создания оружия массового уничтожения или значительных количеств запрещенных предметов, таких, как ингредиенты, используемые для производства биологических или химических агентов. Бликс объявил, что он уходит в отставку, но ЮНМОВИК остается в состоянии готовности для возобновления своей деятельности в Ираке. Представитель США заявил, однако, что его правительство не видит необходимости в том, чтобы инспекторы ООН возобновили сейчас свою работу в Ираке. Американские войска так и не нашли никаких признаков наличия оружия массового уничтожения в стране, и было решено вывести спецсоединения, направленные туда для ведения поисков такого оружия.

В этих условиях мировая общественность и многие неправительственные организации выступают со все более настойчивыми требованиями вернуть официальных инспекторов

---

⁷⁷ Док. ООН S/2003/580.

ООН и МАГАТЭ в Ирак, с тем чтобы они официально подтвердили отсутствие или наличие ОМУ в стране. Доклад по этому вопросу в январе 2004 г. выпустил Фонд Карнеги за подписью его президента Дж. Мэтьюз. В докладе предлагается, чтобы Совет Безопасности учредил постоянную международную инспекционную комиссию⁷⁸.

Для обнаружения оружия массового уничтожения по инициативе правительства Швеции в конце января 2004 г. приступила к работе независимая комиссия, которую возглавил Х. Бликс. В комиссию входят 15 членов, в том числе бывший министр обороны США Б. Пери, директор СИПРИ А. Бейлс и другие специалисты в области разоружения (Т. Дельпеш, П. Луис, А. Арбатов и др.). 29 января 2004 г. на первом заседании комиссии Бликс заявил, что санкции и другие меры давления на Ирак в течение 1990-х гг. позволили ООН сдержать ядерную программу Ирака. Бликс и некоторые другие из членов комиссии выступили с возражениями против американского аргумента, будто вторжение в Ирак вынудило другие страны отказаться от оружия. «Диалог с Ливией и Ираном, — сказал он, — начался еще до войны в Ираке»⁷⁹.

В рамки настоящей работы не входит обсуждение геополитических, экономических, гуманитарных и иных последствий американской войны в Ираке. В данном случае нас прежде всего интересует, какое воздействие окажут эта война и продолжающаяся анархия в стране на дальнейший статус и жизнеспособность режима нераспространения — будет ли она содействовать повышению его эффективности или нет. Вопрос этот имеет огромное значение и в том плане, что он наверняка будет фигурировать на Обзорной конференции 2005 г., как и на других международных форумах. Состоится, разумеется, острый разговор и об обоснованности и законности вторжения в Ирак без доказательств наличия там ОМУ. Международная общественность протестует против продолжения оккупации страны войсками антииракской коалиции. О наличии или отсутствии в Ираке оружия массового унич-

⁷⁸ <http://www.ceip.org/filre/Publications/IraqSummary.asp?from=pubdate>

⁷⁹ Reaching Critical Will News Advisory. 2004, 29 January.

тожения много написано и еще будет неоднократно упоминаться. Подавляющее большинство специалистов практически единодушно склоняются к мнению о том, что после известных событий в Ираке начала 1990-х гг. этого оружия там больше не было и причины американо-английского вторжения лежат в другом.

Но нас, подчеркнем еще раз, в первую очередь интересует вопрос о том, как события в Ираке в дальнейшем повлияют на состояние режима нераспространения в целом. Конкретно вопрос можно поставить так: будут ли силовые действия в условиях отсутствия более или менее достоверных сведений о наличии ОМУ способствовать укреплению режима, или, наоборот, такие действия будут только расшатывать создававшийся годами международно-правовой режим ядерного нераспространения и те механизмы, на которые он опирается? Вопрос этот, несомненно, станет предметом пристального рассмотрения на предстоящей Обзорной конференции.

Разброс мнений, скорее всего, будет достаточно широким. Приведем одно из них, высказанное М. Френдом, в прошлом занимавшимся вопросами ядерного нераспространения в Пентагоне, а сейчас являющимся научным сотрудником ЮНИДИР. «В общем счете глобальный режим нераспространения не был особенно усилен вторжением и обнаружением ОМУ. Но неспособность обнаружить убедительное свидетельство активной программы ОМУ нанесло исключительный ущерб доводам в пользу односторонних действий». Общий вывод Френда — «режим нераспространения нуждается в «зубах», а «зубы» нуждаются в легальности. Что необходимо? Необходим механизм, который будет оказывать более сильный нажим на государства, вызывающие озабоченность с точки зрения распространения. Тем самым международное право должно установить более пристрастное отношение к злостным пролифераторам»⁸⁰.

---

⁸⁰ Michael Friend. After Non-Detection, What? What Iraq's Unfound WMD Mean for the Future of Non-Proliferation. UNIDIR/2003/38. P. 15–16.

Иран

Американо-иранское сотрудничество в рассматриваемой области начало развиваться еще в начале 1960-х гг. — до свержения проамериканского режима в Иране. В начале девяностых годов началось широкомасштабное взаимодействие Москвы и Тегерана в сфере ядерной энергетики. США, имевшие прямое отношение к созданию в шестидесятых годах иранской ядерной программы, с момента начала российско-иранских переговоров стали проявлять беспокойство в связи с возможными последствиями, к которым могло бы привести осуществление поставок российской высокотехнологичной продукции в страну, которая, по мнению американской стороны, тайно занимается подготовкой к производству ядерного оружия.

На протяжении второй половины 1990-х гг. и начала 2000 гг., пожалуй, не было более острой проблемы в российско-американских отношениях, чем сотрудничество России и Ирана в области атомной энергетики. За это время в России и США сменились президенты — на смену Б.Н. Ельцину и Б. Клинтону пришли В.В. Путин и Дж. Буш-младший, однако российско-иранское сотрудничество продолжало и продолжает оставаться «занозой» в российско-американских отношениях. С приходом республиканской администрации в США давление на Россию по «иранскому вопросу» начало еще более усиливаться. Расширение двухсторонних контактов Москвы и Вашингтона, в первую очередь в высокотехнологичных областях, а также участие России в работе международных организаций увязывается с отказом от военно-технического сотрудничества с Ираном и сотрудничества с ним в области ядерной энергетики. Включение Соединенными Штатами Ирана в список стран «оси зла», скорее всего, означало, что администрация Дж. Буша, используя имеющиеся экономические и политические рычаги, будет добиваться полного прекращения сотрудничества России с Ираном.

В чем конкретно заключается российско-иранское партнерство; какие поставки в Иран были осуществлены и могут ли они ускорить реализацию тегеранской программы создания ядерного оружия, если таковая существует; в полной ли мере

контролирует российское правительство экспорт чувствительных технологий в Иран, и насколько эффективна система экспортного контроля в этом случае? Ответы на эти вопросы, а также анализ истории возникновения и развития иранской ядерной программы и научно-технического потенциала этой страны позволяют лучше понять реальные возможности и планы Ирана в атомной области и оценить ответственность американской политики увязок и санкций.

С конца 1960-х гг. в ядерном центре Тегеранского университета действует поставленный Соединенными Штатами исследовательский реактор мощностью 5 МВт, работавший на высокообогащенном уране, степень обогащения которого была в дальнейшем снижена с 93 до 20%. Менее обогащенный уран поставляет Аргентина. США предоставили также «горячие камеры» для выделения небольших количеств плутония из облученного топлива. Кроме того, имеются реакторы нулевой и подкритической мощности, поставленные Китаем. Иран подписал ДНЯО в 1968 г. и ратифицировал его в начале 1970 г. Иранские ядерные объекты находятся под гарантиями МАГАТЭ.

До революции 1979 г., при шахском режиме, Иран имел самую грандиозную ядерную программу на Ближнем Востоке, предусматривавшую строительство — при поддержке западных государств — свыше 20 энергетических реакторов. В 1970-х гг. Иран заключил с германской фирмой «*Siemens KWU*» соглашение о сооружении в Бушере двух энергоблоков мощностью 1300 МВт каждый. К приходу к власти аятоллы Хомейни в 1979 г. реакторы были построены соответственно на 80 и 65–70%, однако во время ирано-иракской войны они были сильно повреждены в результате бомбардировок иракской авиацией. После окончания войны под давлением США Германия отказалась от продолжения строительства АЭС.

В августе 1992 г. было подписано российско-иранское соглашение об использовании атомной энергии в мирных целях, а в январе 1995 г. между производственным объединением «*Зарубежатомстрой*» и Организацией по атомной энергии Ирана был подписан контракт на завершение строительства первого блока АЭС «Бушер» мощностью 1000 МВт. Ожидает-

ся, что этот энергоблок, строительство которого весьма затянулось, вступит в строй не ранее 2006 г. В сентябре 2002 г. иранское руководство объявило о планах строительства в течение ближайших 20 лет АЭС общей мощностью 6000 МВт.

Российско-иранское соглашение о первом блоке АЭС «Бушер» полностью отвечает требованиям Договора о нераспространении и системы гарантий МАГАТЭ. Более того, предусматривается — и на этот счет имеется принципиальная договоренность, — что отработанное топливо будет возвращаться в Россию, хотя соответствующее соглашение на данный момент еще не подписано. Однако Соединенные Штаты неоднократно высказывали возражения против российско-иранского сотрудничества в атомной области со ссылкой на имеющиеся у иранского руководства ядерные амбиции⁸¹. Российской стороной не раз подчеркивалось, что сотрудничество с Ираном в строительстве АЭС осуществляется в полном соответствии с международными обязательствами России в области ядерного нераспространения. Указывалось и на необходимость подготовки местных кадров для безопасной эксплуатации АЭС. Обращалось внимание на недопустимость применения двойных стандартов, когда, в частности, для КНДР, по Рамочной договоренности между США и Северной Кореей 1994 г., началось строительство примерно такого же типа легководных энергетических реакторов (в настоящее время оно приостановлено).

В первой половине 1990-х гг. Иран добивался поставки из России оборудования для строительства газодиффузионного завода, и тогдашний министр РФ по атомной энергии В.Н. Михайлов в предварительном порядке даже согласился включить в протокол о намерениях, подписанный с Ираном в январе 1995 г., заключение контракта на сооружение газодиффузионного завода, урановой шахты и обучение в России иранских специалистов, однако в дальнейшем Россия отказалась от реализации подобной сделки. В связи с возражени-

---

⁸¹ Так, заместитель госсекретаря США Дж. Вольф заявил в провокационном тоне 28 апреля 2003 г. на сессии Подготовительного комитета Конференции по ДНЯО 2005 г., что Иран являет собой «самый значительный вызов, который когда-либо стоял перед ДНЯО». (*Arms Control Today*. 2003, May).

ями США против российско-иранского сотрудничества в ядерной области, заявленного в ходе саммита в мае 1995 г. и последующей встречи премьер-министра В.С. Черномырдина и вице-президента А. Гора, американской стороне было разъяснено, что протокол носил сугубо рабочий характер и не получил одобрения правительства. Эти предварительные договоренности были исключены из программ сотрудничества с Ираном. Следует признать, что самовольные действия руководства Минатома нанесли немалый ущерб российско-американским отношениям.

Многочисленные аналитические работы, посвященные намерениям Ирана создать собственное ядерное оружие, страдают от недостатка проверенной информации и поэтому не могут претендовать на вескую достоверность. Несмотря на многолетние дебаты вокруг российско-иранского атомного сотрудничества и строительства АЭС в Бушере, до сих пор никто не смог дать четкого ответа на вопрос, действительно ли намерения Ирана ограничиваются развитием мирного сектора атомной энергетики⁸².

Ответ на этот вопрос, однако, весьма важен, прежде всего, в силу того, что Иран является крупным южным соседом России. Возникновение реального порогового государства в непосредственной близости от России, да еще с неизменно трудно предсказуемым режимом в этой стране, означало бы появление новой угрозы безопасности России. Осложнило бы это и процесс ближневосточного урегулирования. С учетом указанных обстоятельств, Россия не может не рассматривать Иран скорее в качестве своего партнера в регионе. Развитие добрососедских связей с этой страной и российское присутствие там имеют большое значение из-за непростых отношений с Турцией и с учетом целесообразности недопущения возможных попыток Тегерана распространить свое влияние на Центральную Азию, которую Россия продолжает рассматривать как зону своих жизненно важных интересов. Следует также иметь в виду, что до сих пор не урегулирован

---

⁸² См., например: Josef Cirincione with Jon B. Wolfsthal and Miriam Rajkumar. *Deadly Arsenals. Tracking Weapons of Mass Destruction*. Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 255.

правовой статус Каспийского моря, которое имеет огромное значение для всех прибрежных государств. И с этой точки зрения для России также важно поддерживать отношения с Ираном на должном уровне.

При оценке долгосрочных планов Ирана в ядерной области все же нельзя не учитывать того, что по официальному признанию Ирана, сделанному некоторое время тому назад, он взял курс на овладение полным ядерным топливным циклом, включая технологию обогащения урана и переработки отработанного ядерного топлива⁸³, на что он, впрочем, по Договору о нераспространении (статья IV) формально имеет право. В феврале 2003 г. Иран объявил, что разрабатывает залежи урановой руды в провинции Йезд. В декабре 2002 г., на основании информации, полученной со спутников, Пентагон сообщил, что вблизи Эрака в центральной части Ирана строится установка по производству тяжелой воды⁸⁴.

Все эти события вызывают определенную озабоченность международного сообщества, и по приглашению иранского правительства Генеральный директор МАГАТЭ М. Эльбарადей с группой экспертов Агентства 21–22 февраля 2002 г. посетил завод по обогащению урана, строящийся в Натанзе (в 200 милях южнее Тегерана), где действовала пилотная установка по газоцентрифужному обогащению, а также встретился с президентом Ирана Хатами. Эльбарადей призвал иранское руководство присоединиться к Дополнительному протоколу о гарантиях Агентства, который давал бы Агентству право инспектировать не только заявленную, но и *незаявленную* ядерную деятельность. Иран, однако, до недавнего времени уклонялся от участия в Протоколе. В то же время, как официально сообщило Агентство, «иранское правительство согласилось впредь заблаговременно предоставлять информацию о конструкции любых новых ядерных установок»⁸⁵.

---

⁸³ Statement by Reza Aghazadeh, Vice-President of the Islamic Republic of Iran and President of the Atomic Energy Organization of Iran at the Forty-Sixth Regular Session of the IAEA. 2002, September.

⁸⁴ Bellona Foundation. 2003, 24 February.

⁸⁵ <http://www.iaea.org/worldatom/Press/News/2003/02/25-300190.html>.

По данным сотрудников МАГАТЭ и американских официальных лиц, уже в начале 2003 г. на обогатительном предприятии в Натанзе было установлено 160 центрифуг, собирают еще 1000, а всего к 2005 г. будет сооружен каскад из 5000 центрифуг. Как считают некоторые западные эксперты, этот каскад центрифуг позволит нарабатывать ВОУ для двух взрывных устройств в год. Сооружение завода началось в 2000 г. на основе пакистанской модели, усовершенствованной иранцами. В перспективе в строящихся помещениях может быть размещено свыше 50 000 центрифуг⁸⁶.

Обращает на себя внимание, что, активно развивая ракетную программу, Иран располагает почти 450 баллистическими ракетами типа *Scud* (иранское название *Shahab I* и *II*) дальностью от 300 до 500–600 км и испытал баллистическую ракету *Shahab III* на основе северокорейской технологии, имеющую дальность 1300 км и забрасываемый вес 750 кг. Были сообщения, что разрабатывается ракета *Shahab IV* дальностью 2000 км, способная нести боеголовки весом 1000 кг. Обе ракеты могут достигать территории Израиля⁸⁷. Наконец, имелись сведения о возможной разработке межконтинентальной баллистической ракеты *Shahab V* дальностью 10 000 км⁸⁸.

В середине июня 2003 г. Совет управляющих МАГАТЭ рассмотрел доклад Генерального директора Агентства относительно осуществления соглашения о гарантиях с Ираном⁸⁹. В докладе констатировалось, что Иран не выполнил ряд положений соглашения о гарантиях и положений системы гарантий Агентства. Так, он не информировал своевременно, как это требуется решением Совета управляющих от 1992 г., об импорте 1,8 т природного урана (из Китая) в 1991 г. и о направлении его на переработку, в том числе в металлический

---

⁸⁶ Albright David and Hinderstein Corey. The Iranian Gas Centrifuge Uranium Enrichment Plant at Natanz. The Institute for Science and International Security. 2003, 14 March; *Washington Post*. 2003, March 10; Breit Marshal. Fact Sheet on Iran's Uranium Program. Carnegie Endowment for International Peace.

⁸⁷ *Deadly Arsenals*. P. 255.

⁸⁸ Steinberg Gerald M. with Etengoff Aharon. Arms Control and Non-Proliferation in the Middle East: 2000-1. The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. Bar-Ilan University. *Mideast Security and Policy Studies*. 2002. No. 52, December. P. 21.

⁸⁹ Док. МАГАТЭ GOV/2003/40.

уран; об установках для переработки ОЯТ и его хранения; о конструкции новых установок, в том числе о намерении построить тяжеловодный исследовательский реактор. Были отмечены и некоторые другие упущения, в связи с чем в докладе была высказана «озабоченность» и заявлено, что Агентство продолжает выяснять ряд вопросов, относящихся к иранской ядерной программе. В частности, оставались вопросы, относящиеся к сооружению тяжеловодного реактора и к «роли металлического урана в ядерном топливном цикле Ирана». В докладе содержался настойчивый призыв к Ирану заключить с МАГАТЭ Дополнительный протокол о гарантиях⁹⁰.

По итогам рассмотрения доклада Генерального директора Агентства председатель Совета управляющих посол Кувейта Н. Аль-Мулла (Nabeela Al-Mulla) с *единодушного* согласия членов Совета (т. е. с согласия в том числе и самого Ирана) 19 июня 2003 г. сделала заявление от имени Совета, в котором приветствовалась «готовность Ирана к позитивному рассмотрению вопроса о подписании и ратификации Дополнительного протокола» и содержался настойчивый призыв к Ирану «немедленно и безусловно заключить и выполнить Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях». В заявлении председателя содержался также призыв к Ирану «в качестве меры по укреплению доверия не загружать ядерный материал в пилотную установку по обогащению». Совет предложил Генеральному директору представить следующий доклад, когда это будет сочтено целесообразным⁹¹. Совет управляющих, таким образом, не констатировал намеренного нарушения Ираном ДНЯО и соглашения о гарантиях, но подтвердил свое твердое намерение внимательно отслеживать деятельность Ирана в ядерной области.

Из всех приведенных фактов с очевидностью следует, что в Иране шел интенсивный процесс создания инфраструктуры полного ядерного топливного цикла. Тем не менее пока не ясно, приняло ли иранское руководство и примет ли в обозримом будущем решение о полноценной ядерной програм-

---

⁹⁰ С настойчивым призывом подписать и выполнить Дополнительный протокол «без задержек и условий» обратились к Ирану и лидеры стран «Большой восьмерки» на саммите в Эвиане в начале июня 2003 г.

⁹¹ http://www.iaea.org/worldatom/Press/P_release/2003/med-advise_072.shtml.

ме, хотя такой вопрос не может не возникать даже у беспристрастных наблюдателей⁹². Главной потенциальной угрозой для безопасности Ирана продолжает оставаться ядерный арсенал Израиля, за которым стоит ядерная мощь Соединенных Штатов. Но Тегеран, при рациональном подходе к оценке геостратегических реалий, не может не учитывать, что появление у него даже небольшого запаса ядерных боезарядов может спровоцировать превентивные действия Израиля и США. Иранское руководство должно принять во внимание и тот факт, что решение о производстве ядерного оружия неизбежно приведет к осложнению и даже к прекращению сотрудничества с Россией в завершении строительства АЭС в Бушере, к отказу Москвы от поставок ядерного топлива и к разрыву отношений сотрудничества в других областях, имеющих важное значение для Ирана.

С другой стороны, иранские националисты, вероятно, могут усматривать в ядерном оружии гарантию независимости, самодостаточности, престижа и равноправия Ирана с другими крупными державами. Так или иначе, с точки зрения логики и здравого смысла принятие решения о создании Ираном ядерного сдерживающего средства не может не быть делом многофакторным и чрезвычайно трудным, не говоря уже о том, что этому могут воспрепятствовать силовые действия его противников. Остальной же мир, безусловно, заинтересован в том, чтобы такое решение принято не было. Наиболее оптимальный путь к этому — отказ *всех* стран ближневосточного региона, включая Иран и Израиль, от всех видов оружия массового уничтожения, но перспективы такого решения пока не просматриваются.

Обострение ситуации в Иране, особенно после выявления ряда заранее не объявленных обогатительных и других ядерных установок, подтолкнули к объединенным действиям такие влиятельные государства, как США, Россия, Франция, Великобритания и Германия, и при содействии МАГАТЭ они сумели оказать достаточно сильный нажим на руководство Тегерана. 10 ноября 2003 г. Генеральный директор

---

⁹² См., например: Владимир Орлов. Иранская ядерная программа вызывает серьезные вопросы. *Ядерный Контроль*. 2004, № 3. С. 105–108.

МАГАТЭ представил Совету управляющих доклад, в котором был приведен ряд вызывающих серьезные вопросы фактов, особенно касающихся деятельности по обогащению урана⁹³.

В этих условиях иранское руководство согласилось на принятие резолюции Совета управляющих от 26 ноября 2003 г., которая содержит согласие на заключение Дополнительного протокола и на добровольную приостановку всей деятельности по обогащению урана и выделению плутония. Отныне эта деятельность, в соответствии с резолюцией, будет проводиться под гарантиями МАГАТЭ⁹⁴. 18 декабря 2003 г. Иран подписал Дополнительный протокол. На заседании Совета управляющих Генеральный директор Агентства заявил, что «Иран обязался раскрыть установки и решил в качестве меры доверия не только подписать Дополнительный протокол, открывающий путь для более эффективных и всеобъемлющих инспекций, но также сделать важный шаг, ведущий к приостановке деятельности по обогащению и переработке, при этом Агентство будет контролировать приостановку операций по обогащению». Эльбардей дал положительную оценку многим действиям иранской стороны⁹⁵. Хотя Иран еще не ратифицировал Дополнительный протокол, с его стороны было заявлено, что на практике он будет выполнять протокол добровольно и до его ратификации.

На заседании Совета управляющих 8 марта 2004 г. Эльбардей представил новый доклад по Ирану, в котором на основании инспекций представителями Агентства отмечены не только некоторые положительные действия Ирана, но и серьезные упущения с его стороны в деле ограничения деятельности, способной привести к созданию научно-промышленной базы для создания ядерного оружия, особенно в том, что касается обогащения урана⁹⁶.

На сессии Совета управляющих развернулась весьма острая дискуссия по Ирану, в ходе которой США и некоторые дру-

---

⁹³ Док. GOV/2003/75.

⁹⁴ Рез. GOV/2003/81.

⁹⁵ <http://www.iaea.org/NewsCenter/News/2003/iranfh2003311218/>.

⁹⁶ Док. GOV/2004/11.

гие западные державы добивались весьма жесткой резолюции, которая в окончательном виде была несколько смягчена. В принятой резолюции выражается озабоченность и сожаление по поводу того, что Иран не представил полной картины своей ядерной программы, в частности в отношении газовых центрифуг и тяжеловодного реактора; приветствуется подписание Дополнительного протокола и выдвигается настойчивое требование его скорейшей ратификации; высказывается беспокойство по поводу экспериментов, связанных с производством полония-210 (который может быть использован в качестве нейтронного источника в оружии); Генеральному директору поручается представить Совету очередной доклад до конца мая, с тем чтобы СУ мог рассмотреть его на своей июньской сессии 2004 г.⁹⁷

В апреле 2004 г. Генеральный директор Агентства еще раз посетил Иран и 1 июня 2004 г. представил новый доклад о ходе осуществления гарантий в Иране. В докладе констатировалось, что достигнут «хороший прогресс» в осуществлении мер, согласованных во время визита. Агентство смогло проверить, что Иран выполняет свое решение о приостановке деятельности, связанной с обогащением и переработкой. Однако ряд вопросов остался нерешенным, опять же особенно в том, что касается обогащения. Агентству приходится часто направлять запросы по указанным пунктам, но в некоторых случаях в ответ поступают «меняющиеся или противоречивые данные»⁹⁸.

Доклад был рассмотрен на Совете управляющих, и 18 июня 2004 г. после напряженных консультаций с делегацией Ирана была принята резолюция, в которой Совет, подтвердив, что «сотрудничество Ирана позволило Агентству получить доступ ко всем запрошенным объектам», выразил сожаление, что такое сотрудничество «не было полным, своевременным и инициативным». В резолюции подчеркивается, что жизненно важно, чтобы Агентство «получило полное представление о программе Ирана по обогащению». Приветствуя добровольные решения Ирана по приостановке обогащения, Совет выразил сожаление, что эти обязательства «не

---

⁹⁷ Резолюция Совета управляющих GOV/2004/21.

⁹⁸ GOV/2004/34.

были выполнены в полном объеме». Совет призвал Иран пересмотреть решение о начале строительства исследовательского реактора с тяжеловодным замедлителем⁹⁹. СУ предложил также Генеральному директору представить новый доклад к своей сентябрьской сессии 2004 г.¹⁰⁰

В течение последнего времени три европейских государства — Франция, Великобритания и Германия — со своей стороны также прилагают интенсивные дипломатические усилия к тому, чтобы найти политическое решение проблемы недопущения развертывания в Иране широкой ядерной программы, которая могла бы привести к созданию в стране ядерного потенциала.

В новом докладе, представленном к сентябрьской сессии СУ¹⁰¹, и в заявлении Генерального директора М. Эльбаррадея на сессии Совета 13 сентября 2004 г. вновь было отмечено, что проводимые Агентством в Иране инспекции пока не дают ответа на все возникающие вопросы. Совет управляющих принял еще одну резолюцию с требованием к Ирану в полной мере выполнить свои обязательства по ДНЯО и по соглашению о гарантиях и поручил Генеральному директору к следующей сессии Совета, которая намечена на 25 ноября 2004 г., представить всеобъемлющий доклад для рассмотрения ситуации в Иране и принятия в случае необходимости мер в соответствии с Уставом Агентства¹⁰². В резолюции, таким образом, содержится намек на возможность передачи вопроса в СБ ООН.

---

⁹⁹ Резолюция Совета GOV/2004/49.

¹⁰⁰ В конце июня, уже после принятия резолюции Совета управляющих и вопреки ей, Иран объявил, что возобновит производство центрифуг для обогащения урана, но будет действовать в полном соответствии со своими контрольными обязательствами перед МАГАТЭ. Гендиректор Агентства Эльбаррадей призвал Иран пересмотреть решение о возобновлении производства и испытания центрифуг и тем самым устранить «дефицит доверия», возникший вследствие утаивания Тегераном информации о работах в ядерной области. «Я надеюсь, что Иран вернется к выполнению взятых на себя обязательств», — заявил Гендиректор. Тем не менее, как сообщило агентство *Ассошиэйтед Пресс* 27 июля, Иран возобновил изготовление газовых центрифуг, при этом были сорваны печати, установленные на соответствующем оборудовании инспекторами МАГАТЭ.

¹⁰¹ GOV/2004/60.

¹⁰² GOV/2004/79.

Если Иран выполнит принятую резолюцию и если обещанные иранской стороной действия будут на деле реализованы и подтверждены МАГАТЭ, это станет существенным шагом на пути к укреплению режима нераспространения и установит полезный положительный прецедент.

Но если Иран и далее будет идти по пути создания производства по обогащению урана, то это вызовет неизбежную озабоченность мирового сообщества и может привести к передаче вопроса о нарушении Ираном своих международных обязательств в Совет Безопасности ООН для принятия соответствующих мер в соответствии с Уставом ООН, в отношении чего особую настойчивость проявляет американская дипломатия.

Хотелось бы надеется, что этого не произойдет. В настоящее время было бы все еще преждевременным делать далеко идущие выводы относительно дальнейшего направления ядерной программы Ирана. Тем не менее практическое введение в действие Дополнительного протокола Ираном и отказ Ливии от своей программы в области оружия массового уничтожения дают некоторые основания полагать, что дипломатические и политические (а также и экономические) подходы, а также настойчивые действия Агентства еще не исчерпали себя в деле укрепления режима нераспространения в данном регионе. Обращают на себя внимание усилия дипломатии Великобритании, Франции и Германии, насколько это возможно, повлиять в положительном ключе на направление иранской атомной политики, однако пока что эти усилия, которые не могут не вызывать симпатий, к реальным положительным результатам не привели. Не подлежит, однако, сомнению то, что на Обзорной конференции 2005 г. проблема Ирана будет одной из самых сложных и конфронтационных, от решения которой во многом будет зависеть исход этой конференции.

Ливия

Эта арабская страна, являющаяся участником ДНЯО, одно время вызывала серьезные опасения на Западе (и не только там) с точки зрения ее возможных ядерных амбиций. Начиная с середины 1970-х гг. в стране ведутся военно-приклад-

ные исследования в области ОМУ. В Тажуре (к востоку от Триполи) с помощью Советского Союза был создан центр ядерных исследований, состоящий из исследовательского реактора мощностью 10 МВт, радиохимической лаборатории и ряда других установок. Учитывая сомнения Советского Союза в том, что ливийцы добросовестно будут заниматься научными исследованиями в атомной области, с советской стороны было выдвинуто требование, чтобы в Тажуре постоянно находились советские специалисты, на что было получено согласие.

Располагая в середине 1970-х гг. крупными запасами нефтедолларов, Ливия предприняла попытку создать полную ядерную инфраструктуру, включая сооружение тяжеловодного реактора на природном уране для наработки плутония. Речь шла даже о строительстве завода по производству тяжелой воды. В ходе переговоров в Москве с первым заместителем председателя советского правительства Н.А. Тихоновым, который исполнял тогда обязанности председателя, и А.М. Петросьянцем, первым заместителем министра среднего машиностроения (Минатом, ныне Федеральное агентство по атомной энергии), Джеллуд — второе после Кадафи лицо в государстве — предложил оформить принципиальное согласие Советского Союза на предложение Ливии и подписать протокол о намерениях на сумму около 10 млрд долл. Перспектива оказания содействия Ливии в создании ядерного потенциала вызвала разногласия в советском правительстве. МИД и в меньшей степени Госплан возражали. В конце концов, разумный подход в Москве возобладал, да и ливийская казна с окончанием мирового нефтяного кризиса иссякла.

В дальнейшем Ливия проявляла интерес к ядерному оружию Пакистана и получала от А.К. Хана определенное содействие, а также стремилась развивать ядерное сотрудничество с Бельгией, Аргентиной, Бразилией. Ливийские физики, участвовавшие в ядерной программе, проходили обучение в Испании. В результате санкций, которые были наложены на Ливию в связи с известным делом Локерби, большая часть исследовательского центра Тажура пришла в нерабочее состояние. Атомной энергетикой Ливия не занималась, хотя вынашивала такие планы в конце 1970-х гг.

В декабре 2003 г., после долгих месяцев переговоров с США и Великобританией, Ливия неожиданно объявила, что отказывается от стремления к обладанию ядерным и другими видами оружия массового уничтожения. Буквально на следующий день Ливия приступила к переговорам с МАГАТЭ, страну посетил его Генеральный директор. Ливия решила подписать Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях. Инспекторы Агентства побывали на 9 из заявленных ливийскими властями 10 ядерных объектов. В конце декабря 2003 г. секретариат Агентства доложил членам Совета управляющих об официальной информации ливийской стороны, в которой речь шла о том, что в течение более 10 лет Ливия занималась изучением возможностей обогащения урана. Эта программа осталась на ранней стадии развития, и никаких объектов промышленного масштаба построено не было. Также не производился и обогащенный уран. Остававшийся в Тажуре уран 80%-го обогащения возвращается в Россию (в Дмитровград), где будет разбавлен до низкого обогащения и использован в местном научно-исследовательском институте.

Не входя в подробное обсуждение политических мотивов, которыми руководствовался Каддафи, принимая подобное решение, следует отметить значение дипломатических усилий США и Великобритании и тех санкций, которые в течение многих лет применялись к Ливии из-за дела Локерби.

10 марта 2004 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, в которой приветствовал добровольное решение Ливии отказаться от материалов, оборудования и программ, ведущих к производству ядерного оружия под контролем Агентства; выразил удовлетворение одобрением Ливией Дополнительного протокола и приветствовал ее решение действовать с 29 декабря 2003 г. таким образом, как если бы протокол уже вступил в силу¹⁰³. К настоящему времени протокол Ливией, однако, пока не ратифицирован.

В июне 2004 г. Генеральный директор Агентства направил Совету управляющих доклад, в котором информировал, что Ливия представила сообщение о «20-летней незаявленной

---

¹⁰³ Резолюция Совета управляющих GOV/2004/18.

ядерной деятельности». В ответ на запрос Агентства «определенные аспекты прошлой ядерной деятельности Ливии разъяснены и хорошо задокументированы, в то время как другие аспекты еще предстоит оценить». Агентство «полагает важным, чтобы Ливия в приоритетном порядке представила остающиеся документы»¹⁰⁴. Председатель Совета управляющих в согласованном с его членами заявлении приветствовал сотрудничество со стороны Ливии, но отметил, что «некоторые вопросы требуют дальнейших действий».

Неожиданный поворот в политике Каддафи позволит западным нефтяным компаниям вернуться в Ливию, вывести страну из дипломатической изоляции и даже сохранить вооружения, в том числе баллистические ракеты *Скад*. По оценкам военных экспертов, у Ливии сейчас имеется порядка 80 пусковых установок и примерно втрое больше ракет такого класса¹⁰⁵.

В целом же можно сделать вывод, что недавние действия Ливии являются положительным шагом в плане укрепления режима ядерного нераспространения и хорошим примером для тех государств, которые все еще лелеют планы обзаведения ядерным оружием¹⁰⁶.

Корейский полуостров

Проблема ядерного распространения на Корейском полуострове — как на севере, так и на юге этого полуострова, разделенного на два государства, — имеет длительную историю и на протяжении последних десятилетий притягивает к себе озабоченное внимание всего мирового сообщества. Начнем рассмотрение этой проблемы с наиболее сложной ситуации — с той, которая сложилась, особенно за последнее десятилетие, на севере полуострова — в КНДР.

---

¹⁰⁴ GOV/2004/33.

¹⁰⁵ *Коммерсант*. 2004, 11 марта.

¹⁰⁶ По теме событий вокруг Ливии см.: Ред. статья «Что означает явка с повинной полковника Каддафи»; Виктор Личаев. «Ливийский выбор: последствия для глобального контрраспространения ОМУ». *Ядерный Контроль*. 2004, весна. Т. 10, № 1 (71). С. 7–10 и 97–106.

КНДР

На протяжении ряда лет КНДР стабильно остается очагом напряженности и одним из наиболее острых вызовов режиму ядерного нераспространения. В начале 2003 г. Северная Корея официально вышла из ДНЯО.

Пхеньян еще с 1950–1960-х гг. живо заинтересовался возможностью создания атомной программы, в первую очередь обратив внимание на подготовку необходимых специалистов. В 1970 г. в Енбене (75 км к северу от Пхеньяна) был запущен полученный из СССР исследовательский реактор ИРТ-2000. Усилия КНДР в атомной области с самого начала сосредоточились на создании полного ядерного топливного цикла, что позволяло бы на определенной стадии развития обрести технические возможности для производства ядерного оружия. В 1982–1991 гг. были пущены в строй четыре объекта по производству уранового концентрата, а также завод по изготовлению ядерного топлива.

В начале 1986 г. в Енбене вошел в строй газографитный реактор мощностью 5 МВт собственного изготовления, и накапливающийся в его облученном топливе плутоний мог бы быть использован в ядерном оружии. Во второй половине 1980-х гг. в Енбене были заложены еще два реактора такого же типа, один мощностью 50 МВт, а другой – 200 МВт. Их введение в эксплуатацию намечалось на середину 1990-х гг. Эти реакторы явно имели военную направленность.

Наряду с этим корейцы, испытывавшие большую нужду в электроэнергии, обратились к советскому руководству с предложением поставить в Северную Корею два крупных энергетических реактора общей мощностью 2000 МВт. Учитывая военные ядерные амбиции КНДР, Советский Союз обусловил выполнение этого соглашения присоединением КНДР к ДНЯО. В 1985 г. Северная Корея присоединилась к Договору, но в нарушение этого Договора надолго затянула подписание соглашения о гарантиях с МАГАТЭ – до апреля 1992 г.

Для создания ядерного оружия на основе плутония необходимо выделять его из облученного ядерного топлива. В КНДР еще в 1965 г. было решено создать с помощью

СССР лабораторию для производства изотопов, в которой имелось бы оборудование, позволяющее извлекать плутоний, хотя и в небольших количествах. В середине 1980-х гг. в Энбене было начато строительство крупной радиохимической лаборатории по выделению плутония из облученного топлива. Эта лаборатория, по оценкам МАГАТЭ, могла производить до 100 кг плутония в год. Введение ее в строй предполагалось на 1996 г. В конце 1990-х гг. 5-мегаваттный реактор трижды останавливался общим сроком примерно на 150 дней. Как предполагают специалисты МАГАТЭ, проверявшие представленный корейцами отчет, за это время из реактора выгружалось отработанное топливо, содержащее плутоний. Считается, что реактор мощностью 5 МВт может производить до 1,8 кг плутония в год. Иными словами, до его замораживания после заключения Рамочной договоренности с США в октябре 1994 г. реактор мог наработать до 14 кг плутония оружейного качества. Предполагается, что в КНДР из него могли реально получить от 7 до 10 кг такого плутония¹⁰⁷.

Есть достаточные основания говорить о том, что в КНДР было принято решение продолжать военную ядерную программу, сохраняя одновременно членство в ДНЯО. В мае 1992 г. КНДР представила требуемый соглашением о гарантиях отчет о наличии ядерных материалов и образец плутония из отработанного топлива. После тщательного анализа стало ясно, что плутоний накапливался в результате регулярной деятельности реактора на протяжении нескольких лет. В Агентстве пришли к выводу, что в КНДР имеется необъявленный плутоний, и потребовали дополнительной информации, а также проведения так называемых «специальных инспекций», как это предусматривается в таких случаях соглашением о гарантиях.

В этих условиях Пхеньян пошел на обострение ситуации и 12 марта 1993 г. заявил о намерении выйти из ДНЯО. Между США и КНДР начались переговоры, и 11 июня в двустороннем заявлении было объявлено, что Северная Корея «приос-

---

¹⁰⁷ David Albright and Kevin O'Neil. «Solving the North Korean's Nuclear Puzzle». Institute for Science and International Security. Wash, DC, 2000.

танавливает» свое решение о выходе из Договора. В течение многих месяцев продолжались переговоры, и в октябре 1994 г. была достигнута Рамочная договоренность, по которой США взяли на себя обязательство к 2003 г. построить в КНДР два легководных реактора мощностью 2000 МВт. Для финансирования и поставки этих реакторов предусматривалось создать международный консорциум КЕДО, при этом США также обязались поставлять Северной Корее 500 тыс. т нефти в год – вплоть до завершения строительства первого энергетического реактора.

КНДР, в свою очередь, обязалась заморозить эксплуатацию своих газографитных реакторов. При этом МАГАТЭ разрешалось осуществлять наблюдение за соблюдением замораживания реакторов. Рамочная договоренность позволила заморозить накопление оружейного плутония, однако возможности Агентства по мониторингу замораживания были весьма ограничены. Кроме того, КНДР категорически отказалась дать согласие на проведение измерений и отбор образцов ядерных материалов. Эти и другие ограничения не позволяли оценить, сколько оружейного плутония могло быть извлечено из отработанного ядерного топлива. Полный контроль Агентства, в соответствии с Рамочной договоренностью, мог быть введен в действие только после завершения строительства легководных реакторов.

Однако в конце 1990-х гг. строительство легководных реакторов затормозилось, а осенью 2002 г. сооружение АЭС, по существу, прекратилось. Нужно сказать, что среди политиков и экспертов отношение к Рамочной договоренности было двойственным. С одной стороны, признавалось, что она тормозит процесс создания оружия. С другой стороны – в ней вполне справедливо усматривали свидетельство успешного осуществления «ядерного шантажа» со стороны КНДР и возможность использования такого метода шантажа в дальнейшем.

До осени 2002 г. казалось, что политика постепенного вовлечения КНДР в процесс «цивилизованного» решения атомной проблемы имеет шансы на успех. Состоялись визиты высокопоставленных лиц в Пхеньян, в том числе из России. Ким Чен Ир, в свою очередь, посетил РФ. Однако после прихода к власти в США республиканской администрации в Ва-

шингтоне, видимо, пришли к выводу, что политика «вовлечения» КНДР малопродуктивна. Состоялся обмен военными угрозами, но тем не менее американское руководство предложило возобновить диалог с Пхеньяном, прерванный в 2001 г. Тем временем на полуострове разразился новый кризис. Сев. Корея приступила к обогащению урана на базе пакистанской технологии — по-видимому, в обмен на поставки Исламабаду ракет «Нодонг» и технологии их производства. В октябре 2002 г. американская делегация во главе с зам. госсекретаря Дж. Келли прибыла в Пхеньян и поставила вопрос об «урановой программе», сообщив после визита, что северокорейцы признали наличие такой программы.

Соединенные Штаты, полагая, что речь идет о новом шантаже, решили пока не ставить вопрос в Совете Безопасности ООН. Убедившись, что международное сообщество не готово к жестким мерам, Северная Корея пошла на новый, еще более высокий уровень эскалации кризиса. В декабре 2002 г. было объявлено о возобновлении работ по строительству атомных объектов, отменено замораживание ядерных объектов, а инспекторы МАГАТЭ высланы из страны. Наконец, в январе 2003 г. Пхеньян объявил о выходе из ДНЯО, а в феврале того же года возобновилась работа законсервированного в 1994 г. газографитного реактора.

Общую картину нынешней ядерной деятельности КНДР обрисовал на сенатских слушаниях 21 января 2004 г., а также 2 апреля на совещании в ПИР-Центре бывший директор Лос-Аламосской лаборатории З. Хекер, посетивший заседания Енбен и Пхеньян:

- 5-мегаваттный газографитный реактор работает в нормальном режиме и производит тепло и электричество. В отработанном топливе ежегодно аккумулируется около 6 кг плутония;
- 50-мегаваттный реактор не функционирует и для ввода его в эксплуатацию потребуются большие строительные работы;
- хранилище для отработанного топлива не заполнено. Примерно 8000 топливных стержней были из него вывезены;

- по утверждению северокорейцев, все 8000 стержней подверглись переработке, из них был выделен металлический плутоний во время непрерывной кампании в период между серединой января и концом июня 2003 г. По оценкам, 8000 стержней содержат от 25 до 30 кг плутония. Всего КНДР могла накопить до 50 кг плутония;
- возможно, что северокорейцы перевезли 8000 стержней в другое хранилище, однако это связано с большим экологическим риском;
- в ближайшем будущем КНДР может производить не более 6 кг плутония в год. При этом корейцы могут многократно загружать реактор свежим топливом;
- какими-либо сведениями о возможности создания северокорейцами транспортабельного ядерного устройства американцы, по словам Хекера, не располагают;
- представители МИД КНДР категорически отрицают, что имеется программа обогащения урана, и настаивали на том, что не имеют ни оборудования, ни экспертизы для этого. Американские эксперты не имели возможности подтвердить или опровергнуть данное им разъяснение¹⁰⁸.

Несмотря на то, что ядерный конфликт на Корейском полуострове затянулся почти на двадцать (со времени строительства газографитного реактора) лет, реальные пути решения ядерной проблемы КНДР пока не просматриваются. Хотя создан шестисторонний механизм переговоров (США, Россия, КНР, Япония, КНДР и Южная Корея), и уже состоялись его заседания в Пекине в августе 2003 г., в конце февраля и в конце июня 2004 г., намечается новая встреча, но сроки ее проведения ко времени написания настоящей работы не установлены, реальных выходов из создавшегося положения пока видно. Основа для «пакетного» или какого-либо иного решения не определена, и северокорейцы реального интереса к нему не проявляют. КНДР категорически возражает против рассмотрения

---

¹⁰⁸ Senate Committee on Foreign Relations Hearing on «Visit to the Yongbyon Nuclear Scientific Research Center in North Korea». Siegfried S. Hecker, Senior Fellow, Los Alamos National Laboratory, University of California. 2004, 21 January. P. 10–11.

возникших проблем в Совете Безопасности и требует заключения с США пакта о неприменении силы. Очевидно, что такой пакт, явно неприемлемый для США, обесценил бы американские союзнические обязательства перед Южной Кореей. Но Пхеньян готов обсуждать ядерные проблемы только после этого. Введение экономических санкций и досмотр судов будут считаться, как заявляют в Пхеньяне, *casus belli*. Вполне возможно и возобновление ракетных испытаний.

Шестисторонняя встреча, состоявшаяся в Пекине с 25 по 28 февраля 2004 г., прошла в спокойной обстановке, но стороны не смогли принять почти полностью согласованное совместное заявление, констатируя тем не менее общее стремление к разрешению кризиса мирными средствами. США признали сохранение серьезных разногласий с КНДР, но отсутствие явного провала представили как заметный успех. Наблюдатели объяснили американскую тактику тем, что встреча проходила во время начавшейся кампании по выборам президента США.

Вместо согласованного совместного документа председатель встречи (заместитель министра иностранных дел КНР Ван И) огласил от своего имени заявление, в котором, в частности, говорилось: «Стороны согласились, что в ходе второго раунда шестисторонних переговоров началось обсуждение вопросов по существу, обсуждение прошло с пользой и в позитивном ключе... Хотя в процессе переговоров разногласия сохранились, стороны стали лучше понимать позиции друг друга. Стороны подтвердили свои обязательства относительно сохранения безъядерного Корейского полуострова и разрешения ядерной проблемы мирным путем посредством диалога в духе взаимного уважения и равноправных консультаций с целью сохранения мира и стабильности на Корейском полуострове и в регионе в целом»¹⁰⁹.

Участники согласились продолжить процесс переговоров, при этом была образована рабочая группа для подготовки пленарных заседаний. Американские СМИ подали завершённые встречи в положительном тоне. Так, телекомпания *CNN*

---

¹⁰⁹ Ransac Nuclear News. 2004, 4 March.

передала материал под заголовком «США – Северная Корея: переговоры прошли успешно».

Первое заседание рабочей группы состоялось в Пекине 12–15 мая, второе – 21–22 июня. 23–26 июня 2004 г. там же прошел третий раунд шестисторонних переговоров. По результатам переговоров было принято согласованное заявление председателя, в котором говорится, что «стороны провели конструктивные, прагматичные и субстантивные обсуждения». Стороны «подтвердили свои обязательства в отношении достижения цели денуклеаризации Корейского полуострова и подчеркнули необходимость как можно скорее сделать первые шаги в этом направлении». Было отмечено «наличие некоторых общих подходов, которые составят полезную основу для будущей работы, хотя в позициях сторон остаются различия». Стороны в принципе согласились провести четвертый раунд переговоров в Пекине до конца сентября 2004 г. При этом рабочая группа была уполномочена собраться в самое ближайшее время «с целью определить объем, продолжительность и контроль, а также возможные встречные меры в отношении первых шагов на пути к денуклеаризации» и представить рекомендации к четвертому раунду¹¹⁰. Однако по требованию северокорейской стороны проведение четвертого раунда переговоров было отложено.

Российская сторона, как говорилось в сообщении для печати МИД РФ, «удовлетворена результатами прошедшей встречи, в ходе которой были внесены конкретные предложения по обеспечению свободного от ядерного оружия статуса Корейского полуострова и по осуществлению мер первого этапа на пути к денуклеаризации, предполагающих замораживание ядерной деятельности КНДР в ответ на встречные шаги других сторон. В Москве полагают, что при конструктивном подходе всех сторон вполне возможно достижение общих целей на основе уже согласованных принципов и подходов»¹¹¹.

Россия, несмотря на проводимую в последнее время активную политику на Корейском полуострове, в том числе и в

¹¹⁰ См. официальное сообщение МИД РФ от 26 июня 2004 г.

¹¹¹ Там же.

экономической области, и участие в шестисторонних переговорах, пока еще не может оказывать существенное влияние на разрешение конфликта на Корейском полуострове, но роль России постепенно и неуклонно возрастает.

В начале июля 2004 г. состоялись визиты министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова в Сеул и Пхеньян. Судя по официальным заявлениям и сообщениям прессы, визит прошел успешно. Россия выступает за пакетный подход к решению ядерной проблемы КНДР, включающий договоренность о безъядерном статусе Корейского полуострова, гарантии безопасности и экономической помощи Северной Корее. Важный элемент пакета — замораживание ядерной оружейной программы КНДР в обмен на компенсацию в виде поставок энергоносителей и экономической помощи. При этом замораживание ядерной программы должно быть проверяемым. На последующем этапе речь пойдет о переводе замораживания оружейной ядерной программы в плоскость ее полного прекращения и ликвидации всех ее элементов, тогда этот процесс будет сопровождаться увеличением экономической помощи. Разумеется, считается необходимым, чтобы Пхеньян вернулся в лоно ДНЯО и МАГАТЭ и присоединился к Дополнительному протоколу о гарантиях.

Действия руководства КНДР в последние месяцы говорят о том, что в Пхеньяне исходят из того, что политика «ядерного шантажа» пока что играет ему на руку. Однако ядерный арсенал Пхеньяна, по-видимому, еще слишком мал, чтобы его можно было использовать для большой политической игры. Пхеньян, вместе с тем, пользуется тем обстоятельством, что США увязли в Ираке. Очевидно, что основная цель Ким Чен Ира — сохранить свой режим и существующие тоталитарные порядки в стране, и пока корейскому руководству это удастся.

Конечно, ядерные амбиции КНДР представляют немалую угрозу для российского Дальнего Востока. Регион начинен ядерными материалами и технологиями, и любая новая вспышка конфронтации может вызвать цепную реакцию. Ведь, по существу, страны региона, включая Южную Корею, имеют значительные возможности для быстрого развертывания ядерных программ. Но Ким Чен Ир предпочитает про-

должать заниматься «ядерным шантажом» и, по-видимому, не опасается быстрых ответных мер.

Для Соединенных Штатов интерес к Корейскому полуострову и к решению ракетно-ядерного конфликта в этом регионе в первую очередь зависит от того, смогут ли они уверенно распространить свое влияние на весь этот регион. По всей видимости, американское руководство еще не определило свою долгосрочную стратегическую линию в данном регионе. Ведь здесь необходимо учитывать не только два крупных корейских государства (одно из них — уже более десяти лет успешно играющее в «ядерные игры», а другое тоже имевшее в прошлом, а возможно, и продолжающее иметь ядерные амбиции), но также доминирующее государство региона — Китай и наличие таких влиятельных государств в этом регионе, как Россия и Япония. До тех пор, пока ядерный вопрос в КНДР не перерос в острую и трудноразрешимую проблему, США готовы искать наиболее удобные для себя тактические ходы. КНДР остается наиболее сложным вызовом ядерному нераспространению, но ситуация пока еще не вышла из-под полного контроля. А если это так, то есть шанс, что решение проблемы со временем может быть найдено. Однако очевидно, что на сегодня время для этого еще не пришло. Главная причина затянувшегося конфликта в том, что каждая из мощных держав, участвующих в разрешении кризиса, ищет наиболее устраивающие их решения без существенных потерь для себя.

Однако поспешим оговориться, что северокорейский «вызов» режиму нераспространения по своей природе не столь однозначен. С одной стороны, его юридическая сторона — факт нарушения КНДР международно-правовых положений — не вызывает сомнений. В то же время, если судить по заявлениям северокорейских властей, развитие ядерной программы Пхеньяна осуществляется в ответ на угрозу безопасности режима, исходящую от США, его главного политического противника. «Международная» поддержка Соединенных Штатов некоторыми своими союзниками часто оказывалась «ширмой» для односторонних американских действий. Этот шаблон можно усмотреть и на современной фазе развития международного взаимодействия вокруг КНДР. Поэтому сейчас, когда запущен шестисторонний переговор-

ный марафон по решению северокорейской проблемы, определенную роль могут сыграть посредники. Они способны оказать значительное влияние на конечный выбор сценария разрешения кризиса: будет ли он международно-правовым, учитывающим интересы всех сторон, либо вновь станет проявлением американского унилатерализма.

На шестисторонних переговорах по северокорейской проблеме трудно найти полностью неангажированных посредников. Однако, на наш взгляд, с определенными оговорками такими посредниками могли бы выступить РФ и КНР, поскольку только эти государства сохраняют дипломатические отношения с обоими главными участниками конфликта. Южная Корея (РК) и Япония дипломатических отношений с Пхеньяном не имеют. Более того, РК и Япония остаются связанными военно-политическими Договорами с США. С другой стороны, КНР сохраняет военно-политический Договор с пхеньянским режимом, но тем не менее в стране все более распространяются политические настроения в пользу изъятия военной статьи из северокорейско-китайского Договора. В свою очередь РФ заключила 9 февраля 2000 г. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с КНДР, но этот Договор уже не несет в себе прямых, а тем более автоматических обязательств Москвы по обеспечению безопасности пхеньянского режима (по сравнению с советско-северокорейским Договором 1961 г.).

В то же время развитие ситуации на Корейском полуострове напрямую затрагивает интересы РФ. Во-первых, РФ географически присутствует в регионе и имеет общую границу с КНДР, следовательно, в случае эскалации конфликта это означает распространение гуманитарной и экологической катастрофы на дальневосточный регион РФ. Во-вторых, превращение КНДР в ядерную державу способно инициировать гонку ядерных вооружений во всем регионе. РФ, как участник и гарант ДНЯО, не может допустить такого развития событий. В-третьих, КНДР может рассматриваться и как потенциальный рынок сбыта российских углеводородов (нефти и газа). В-четвертых, с Корейским полуостровом также связаны планы РФ по продолжению Транссиба и его соединению с Транскорейской магистралью. Наконец, необходимость российского участия в урегулировании северокорейского кризи-

са может быть продиктована и геополитическим стремлением сохранения и дальнейшего утверждения позиций страны в регионе. В начале 1990-х гг. Москва фактически прервала отношения с Пхеньяном, решив в своей региональной политике ориентироваться на Сеул. Однако очень скоро проявилась политическая недалёковидность этого шага: российские позиции в регионе стали ослабляться. Именно на исправление ошибок начала 1990-х гг. и ориентирован внешнеполитический курс на параллельное развитие отношений с обеими Кореями, который проводит Москва сегодня. Это особенно проявилось в свете визитов российского министра иностранных дел в июле 2004 г. и в Сеул, и в Пхеньян.

Все вышеперечисленное не может не сказываться на российской политике на переговорах по урегулированию северокорейского кризиса. Однако характер такой политики вызывает неоднозначные оценки. По утверждению некоторых исследователей, страна «пассивно следует в фарватере предложений других участников переговоров», прежде всего имеется в виду КНР. В то же время Москва, с их точки зрения, способна предложить такой вариант урегулирования северокорейского кризиса, который по своему содержанию был бы более адекватным, чем все активно обсуждаемые сегодня.

Начало урегулирования проблемы в формате переговоров шести государств даёт надежду на то, что в перспективе попытки использования дипломатических методов урегулирования продолжатся. Потенциал нового формата переговоров ещё далеко не исчерпан. Собственно американская позиция также эволюционизировала — от поиска возможности проведения двусторонних переговоров с Пхеньяном в июне 2001 г., через поддержку идеи многостороннего форума по проблеме — к идее проведения американо-северокорейских переговоров «в многостороннем контексте». Вначале этот «многосторонний формат» рассматривался как трёхсторонний форум, и лишь затем стороны смогли убедить друг друга в целесообразности шестистороннего формата.

Кроме того, в пользу мирной схемы разрешения проблемы говорят и настроения среди американского истеблишмента, где более сильными позициями, как представляется, располагают сторонники политики «вовлечения» по отношению к

КНДР. Позиции же сторонников «жесткой линии» на фоне ухудшающейся ситуации вокруг присутствия американского воинского контингента в Ираке, наоборот, все более ослабевают. Вместе с тем в вопросе КНДР остается и вероятность использования всего спектра существующих механизмов нераспространения/контрраспространения.

Российская позиция на переговорах, как указывалось выше, состоит сегодня в том, что нужно искать пакетное решение, которое, с одной стороны, обеспечивало бы безъядерный статус Корейского полуострова, возвращение КНДР в ДНЯО, возобновление взаимодействия с МАГАТЭ, а с другой — могло бы удовлетворить законную озабоченность Северной Кореи относительно собственной безопасности. В стратегическом плане — это наиболее разумный и прагматический подход.

К сожалению, собственно российские политические рычаги влияния на поведение КНДР пока ограничены. Прежде всего, РФ уже не представляется достаточно значимым экономическим партнером. Отсюда и следует, что российские возможности влиять на политику КНДР пока что не очень велики. При этом необходимо заметить, что потенциал экономического сотрудничества с Россией в принципе и в перспективе достаточно велик. КНДР сегодня пытается использовать вовлечение РФ в переговорный процесс по проблеме как своеобразный «противовес» другому «союзнику» — КНР. Известно, что Ким Чен Ир пытался разыграть эту карту посредством обращения к российской стороне с просьбой о проведении переговоров в Москве. Тогда противопоставить Россию КНР не удалось. С другой стороны, такая расстановка сил может в перспективе открыть определенные механизмы влияния для России, хотя следует отметить, что пока КНДР остается ближе к КНР — географически и политически.

Кроме того, интересная особенность российской позиции состоит в том, что РФ является единственным участником «шестерки», не затронутым северокорейским шантажом. Все остальные государства в той или иной мере в нем задействованы: КНР пытается регулировать поток северокорейских беженцев на свою территорию и предоставление помощи КНДР, а также форсировать процесс денуклеаризации на по-

луострове; Япония — через «проблему похищенных лиц» и соблюдение Пхеньяном моратория на испытания своих баллистических ракет; Южная Корея — в силу своей непосредственной близости к очагу конфликта. Очевидно также, что, окажись Россия вовлеченной в конкретный северокорейский проект, она автоматически попадала бы в зону шантажа. Это обстоятельство требует от России выработки оптимальной схемы лавирования в своей политике по отношению к КНДР.

С другой стороны, можно выделить ряд обстоятельств, не позволяющих американцам вести себя в КНДР как в Ираке, — контролируя развитие страны посредством бомбардировок стратегических объектов или иных форм нанесения «превентивных ударов». Во-первых, высокая завеса секретности и хорошая фортификационная подготовка снижают вероятность того, что предполагаемые цели будут поражены. Во-вторых, высока вероятность ответного удара по американским военным базам в Японии и РК. В-третьих, «превентивный удар» по КНДР неизбежно вызовет противодействие со стороны КНР и России. Высокоточное оружие может оказаться не настолько высокоточным, а последующая за разрушением ядерных объектов в ходе бомбардировок экологическая катастрофа может распространиться на территории соседних с КНДР государств. Кроме того, КНР крайне отрицательно воспринимает проведение односторонней военной операции США в регионе еще и потому, что такой унилатерализм в Северо-Восточной Азии способен стать нежелательным прецедентом для дальнейшего вмешательства США в прочие региональные потенциальные очаги конфликта, например в отношении КНР с Тайванем.

Последние тенденции развития ситуации на Корейском полуострове в целом имеют «тон» текущего американско-северокорейского торга: налицо реализация механизма «кнута и пряника», методов многостороннего шантажа. Параллельно с продолжением переговоров США способны задействовать в решении вопроса и контрраспространенческий механизм.

Россия же склонна отстаивать лишь нераспространенческие механизмы урегулирования. Контрраспространение слиш-

ком «отдает» односторонним продвижением исключительных интересов безопасности США, подменной задачей обеспечения жизнеспособности режима нераспространения узкополитическими задачами американской администрации.

В этой игре следовало бы активно задействовать механизм *экономического стимулирования*. Именно в данной сфере Россия располагает достаточно широкими, хотя и несколько ограниченными на данном этапе, возможностями. Еще в ходе первого раунда переговоров в Пекине в качестве одного из условий сворачивания ядерной программы КНДР фигурировало предложение о предоставлении альтернативного плана развития северокорейской энергетики. Продолжительный период времени в качестве вполне жизнеспособного варианта рассматривался проект, реализуемый КЕДО (Организацией по развитию энергетики Корейского полуострова). Жизнеспособность этого проекта США пытались поддерживать и в 2003 г. Однако 21 ноября 2003 г. исполнительный совет КЕДО поставил на этой программе «точку», приняв решение заморозить на год проект строительства двух легководных ядерных реакторов для КНДР, а в 2004 г. такое замораживание было продлено. Эти шаги, безусловно, подвешивают решение северокорейской энергетической проблемы, стимулируя поиск новых вариантов решения проблемы энергодефицита в стране, не исключая и возможные российские варианты.

Большие резервы укрепления российской позиции имеются в перспективном экономическом аспекте. В силу внутригосударственного кризиса в стране Пхеньян не способен сегодня финансово поддержать реализацию энергетических проектов, необходимых для разрешения энергетического кризиса. Более того, КНДР остается финансовым должником СССР/РФ. Общая сумма долга Пхеньяна перед Москвой, по данным российских Минфина и Счетной палаты, составляет 10 млрд долл. Пока для Пхеньяна весьма проблематично даже начинать переговоры о погашении этой задолженности.

Как уже говорилось, Москва на данный момент не обладает прямыми экономическими рычагами воздействия на Пхеньян. Относительно российских экономических проектов в регионе необходимо заметить, что, во-первых, их реализация

может лишь несколько способствовать разрешению внутреннего экономического кризиса КНДР и параллельно с этим улучшению функционирования экономики страны, что важно для РФ, поскольку это улучшит геоэкономическое и геополитическое положение Москвы в регионе. И, во-вторых, реализация экономических проектов России возможна лишь в случае достижения мира и стабильности на Корейском полуострове. При этом некоторые из проектов, направленных на решение энергетической проблемы КНДР, уже сегодня могут войти в «пакет» урегулирования проблемы экономической компенсации безъядерной КНДР. Определенную перспективу можно усмотреть в следующих предполагаемых проектах.

Строительство российской АЭС для КНДР. Вопрос энергодефицита в КНДР до сих пор остается открытым. Потребность КНДР в энергии уже сейчас оценивается минимум в 2 ГВт. При этом проблема энергодефицита не чужда и другим странам региона. Ежегодный дефицит электроэнергии в соседнем Китае составляет порядка 10–12 ГВт. А недостаток площадей под строительство АЭС в Японии может также привести к тому, что страна заинтересуется возможностью покупки электроэнергии. Эти обстоятельства открывают возможности для расширения участия РФ, с ее запасами энергоресурсов, в делах субрегиона посредством энергетического сотрудничества.

Пхеньян уже несколько раз обращался к Москве с просьбой о российских энергопоставках в страну. Такие просьбы имели место и во время визита В.В. Путина в КНДР, и в ходе ответной поездки в Россию Ким Чен Ира. Однако, что в Московскую декларацию от 5 августа 2001 г. этот вопрос включен не был. Его обсуждение было перенесено в двусторонние российско-северокорейские специализированные комиссии. Еще в июне 2001 г. во Владивостоке прошли переговоры между делегацией КНДР и представителями российских энергетических компаний — РАО «ЕЭС России» и «Востокэнерго». На переговорах обсуждались пути создания двухцепной линии электропередач напряжением 110 киловольт для связи юга Приморья с КНДР, а также планы реконструкции действующих сетей. Итогом встречи явился протокол о намерениях по поводу экспорта электроэнергии в объемах,

первоначально не превышающих 2–4% установленной мощности приморских электростанций. Однако при детальном рассмотрении проблемы на встрече специалистов в апреле 2002 г. во Владивостоке стороны так и не смогли договориться по существу вопроса. Российская сторона мотивировала свою позицию тем, что мощности приморских электростанций работают на пределе и не имеют возможности направлять излишки электроэнергии за границу.

В ходе визита Ким Чен Ира в Москву 4–5 августа 2001 г. Минатом РФ предложил КНДР несколько совместных проектов, среди которых фигурировал и проект строительства Приморской АЭС. По предварительным расчетам возможность экспорта энергии с АЭС в Приморье может появиться при установке там, как минимум, энергоблока в 1000 МВт или выше.

Немаловажным фактором, говорящим в пользу реализации проекта, является потребность в энергоисточниках собственно российской территории и, прежде всего, Приморского края. Единственная АЭС на Дальнем Востоке – Билибинская – расположена в Магаданской области, и ее мощностей не хватает на весь регион. По прогнозам, даже ввод в строй на полную мощность Бурейской ГЭС вряд ли намного улучшит ситуацию. К числу привлекательных для разрешения северокорейской энергетической проблемы аспектов сооружения АЭС в Приморье могут быть также отнесены следующие. Во-первых, низкая себестоимость электроэнергии, во-вторых, возможность решения кадровой проблемы для АЭС – посредством привлечения лишь отечественных специалистов (что, несомненно, снижает опасность утечки технологии в третьи страны) и, наконец, выгодное географическое расположение энергоблоков вблизи важнейших транспортных узлов.

В регионе уже давно ведется подготовительная работа по реализации этого проекта. С 1995 г. на проведение технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта выделялись средства из федерального бюджета. Однако после «дефолта» 1998 г. ситуация несколько изменилась, и подготовительные работы были переведены на внебюджетное финансирование. И тем не менее работы по ТЭО проекта Приморской АЭС были включены в федеральную программу «Энергоэффек-

тивная экономика», федеральную целевую программу «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья», а также в приказ министра РФ по атомной энергии А.Ю. Румянцева «Основные задачи и направления работы Минатома на 2002–2005 гг. и до 2010 г.». Завершение ТЭО Приморской АЭС было намечено по этим программам на 2005 г.

В целом расчет необходимых средств на реализацию проекта уже произведен: по всем оценкам, потребуется порядка 2,5 млрд долл. С 1995 г. в крае работает государственное предприятие «Дирекция строящейся Приморской АЭС». Найдены две площадки под строительство будущей АЭС: в поселке Новотроицкий и близ г. Арсеньева.

Однако препятствий для окончательной реализации «приморского проекта» — как на внутреннем уровне, так и на международном — предостаточно. Основным препятствием продолжает оставаться отсутствие финансирования. Поэтому, по всем существующим планам, строительство АЭС в Приморье проектировалось исходя из привлечения иностранного финансирования. Не случайно поэтому реализация проекта была включена лишь в программу-максимум роста отечественной атомной энергетики в XXI веке.

С другой стороны, КНР, заинтересованная в экономическом подъеме своих северных провинций, относительно обделенных энергоисточниками (к примеру, это относится к провинции Хэйлунцзян), способна финансово поддержать реализацию этого проекта. Известно также, что «приморский проект» привлекает интерес и со стороны РК. Сеул уже выразил готовность строить для себя линию электропередачи.

На совещании энергетиков в Ниигате (Япония) в феврале 2004 г. с участием российских представителей обсуждалось предложение о сооружении высоковольтной линии электропередачи из Владивостока длиной 235 миль.

Внутренним препятствием строительства Приморской АЭС является сейсмичность региона и наличие в связи с этим «чернобыльского синдрома» у жителей края. Чисто технически проблему способно снять использование специально предназначенных пневмокордовых сейсмоизоляторов, способных «гасить» даже 10-балльные толчки. Однако решение

психологической проблемы населения представляется не столь легким. В конечном итоге именно последнее обстоятельство определит судьбу проекта, так как перед началом строительства вопрос должен быть вынесен на краевой референдум. В ходе состоявшейся во Владивостоке в марте 2004 г. беседы представителей ПИР-Центра со специалистами Дальневосточного госуниверситета последние подтвердили многие из перечисленных осложнений со строительством АЭС в Приморском крае.

Проекты газопроводного строительства. На совещании в Нитигате в феврале 2004 г. представители США и России в качестве наиболее реального варианта решения энергетической проблемы КНДР обсуждали проект газопровода с Сахалина длиной 1500 миль. Финансирование могло бы осуществляться с участием Всемирного банка и Азиатского банка развития.

Этот газопровод мог бы использоваться для поставки российского газа на теплоэлектростанции КНДР, тем самым способствуя безатомному развитию электроэнергетики в стране. Однако и данный проект также испытывал бы финансовые трудности. Кроме того, сохраняющаяся обстановка напряженности вокруг КНДР негативно сказывается на темпах реализации этого проекта.

Проекты железнодорожного строительства в регионе. Еще одним масштабным экономическим проектом на территории российского Дальнего Востока, способным изменить ситуацию в регионе в сторону укрепления российских позиций, является проект по соединению Транссиба с Транскорейской железной дорогой. Данный проект также может быть использован для решения энергетической проблемы КНДР путем организации прямых поставок энергосырья.

С самого начала в качестве первоочередных рассматривались два маршрута железнодорожного соединения: «восточный» и «западный». «Западный» маршрут считается более выгодным для РК и КНР, так как переводит перевозки южнокорейско-китайских грузов на стабильную основу, а также выходит на Транссиб в районе Байкала. «Восточный» маршрут более удобен для обслуживания российско-северокорейской торговли. Кроме того, организация транзита на Европу по этому маршруту предполагает только одну процедуру таможенного

оформления и перегрузки, магистрали здесь менее загружены, чем если они пойдут через Китай.

Принципиальная договоренность о соединении Транскорейской магистрали с Транссибом была достигнута в ходе визита Ким Чен Ира в Москву в августе 2001 г. В Московской декларации, оформившей результаты переговоров В.В. Путин и Ким Чен Ира, говорилось, что стороны обязались «приступить к созданию железнодорожного транспортного коридора, соединяющего север и юг Корейского полуострова с Транссибом, для транспортировки грузов сухопутным путем с берегов Тихого океана в Европу». В том же году российскими специалистами была проведена экспертиза 781 км всей северокорейской части будущей Транскорейской магистрали, из которых, как было установлено, 761 км подлежал реконструкции. И тогда же российской стороной была начата модернизация 240-километрового участка Дальневосточной железной дороги – от пограничной с КНДР станции Хасан до соединения с Транссибом недалеко от Владивостока.

По результатам переговоров 2 ноября 2002 г. в Пхеньяне министрами путей сообщения РФ и КНДР был подписан Меморандум о взаимопонимании. В этом Меморандуме стороны обозначили, что специалистами двух стран было осуществлено совместное обследование Транскорейской магистрали и российская сторона выполнила основные проектные решения. Было также упомянуто, что российская сторона готова разработать ТЭО реконструкции и модернизации восточного участка Транскорейской железной дороги за счет собственных средств. Было решено проводить реконструкцию и модернизацию восточного участка Транскорейской железной дороги. Кроме того, предполагалось, что в специальном разделе ТЭО будут определены объемы и источники финансирования, а также разработаны схемы привлечения инвестиций для этого международного проекта.

Проект предполагает сооружение самого короткого транзитного коридора «Азия–Европа–Азия», кроме того, от его эксплуатации РФ получит прибыль – за транзит, он также фактически создает полностью независимую от КНР российско-корейскую железнодорожную сеть, тем самым выводя меж-

государственные отношения РФ и обеих Корей из «тени Китая» и укрепляя российские позиции в регионе.

Однако воплощению и этого проекта мешают различные препятствия, основным из которых является отсутствие финансирования. Проект соединения Транскорейской магистрали с Транссибом оценивается в два млрд долл., и, безусловно, требует привлечения инвестиций. Полная реализация проекта достижима лишь при условии создания международного консорциума.

Кроме того, согласно мнению противников реализации этого проекта, он не выгоден интересам РФ еще и потому, что, во-первых, он нарушает сложившийся в регионе экономический баланс, а последствия такого нарушения могут отразиться на России самым непредсказуемым образом; во-вторых, этот проект может привести к экономическому упадку дальневосточных портов РФ, так как южнокорейский порт Пусан, как конечный пункт транскорейской транспортной артерии, переключит на себя весь грузопоток в Европу; наконец, реализация проекта, особенно его «восточного» варианта, может резко ухудшить отношения РФ с КНР.

Подводя итог, среди особенностей приведенных экономических проектов, направленных на решение энергетической проблемы КНДР, можно выделить следующие:

- общерегиональный — как, к примеру, проекты по строительству АЭС в Приморье и по соединению Транскорейской магистрали с Транссибом, которые потенциально принесут как экономические, так и политические «дивиденды» не только РФ и КНДР, но и другим государствам региона (Японии, РК, КНР);
- все они, в идеале, требуют создания международных консорциумов, поскольку для всех этих проектов характерно отсутствие достаточного российского финансирования для полной их реализации;
- завершение работ по всем приведенным проектам носит среднесрочный или даже долгосрочный характер. В этой связи необходимо, чтобы они были дополнены определенными временными мерами для решения проблемы энергодефицита в КНДР;

- наконец, некоторые из проектов сталкивают российские интересы в регионе с интересами других государств. Примером может служить проект «восточно-го» варианта соединения транскорейской магистрали с Транссибом, противоречащий в первую очередь интересам КНР¹¹².

Если говорить о перспективах корейского урегулирования, то на сегодняшний день центральными вопросами остаются следующие: достижимо ли вообще окончательное решение северокорейской ядерной проблемы и пойдет ли КНДР на полную ликвидацию своего ядерного арсенала после того, как всеобъемлющее соглашение будет заключено? Залогом положительного решения, по утверждению большинства исследователей, должно стать создание условий для безопасного существования режима в будущем. Судя по современным тенденциям развития ситуации, именно таким образом Пхеньян может быть мотивирован на выполнение выдвигаемых ему требований. Поэтому центральным аспектом урегулирования проблемы являются сегодня *американские гарантии безопасности* КНДР и, следовательно, существующего там режима. Здесь позиции сторон в известной степени уже эволюционировали к некоторому сближению — и если это так, то налицо положительная тенденция.

Сразу же стоит заметить, что положительным обстоятельством для остальных участников переговоров является принятый в августе 2003 г. на переговорах в Пекине принцип «пакетного решения» в целом. Очевидно, что конечный успех будет впоследствии обусловлен стремлением «не перегружать» этот пакет. Однако для России важно суметь включить в пакет пророссийский вариант решения северокорейской энергетической проблемы и обеспечить последовательное расширение влияния России в данном регионе.

Наконец, в случае достижения общего решения по всем составляющим указанных проектов потребуются придание им международной легитимности через существующие между-

---

¹¹² Подробнее о путях решения корейской проблемы см.: А.В. Гребенщиков. Проблема северокорейского «вызова»: взгляд из России. *Ядерный Контроль*. 2004, лето. Т. 10, № 2. С. 105–124.

народные механизмы и режимы – Совет Безопасности ООН, МАГАТЭ, ДНЯО, ДВЗЯИ.

Что касается перспектив обсуждения корейской проблемы на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г., то на сегодняшний день можно предполагать, что она не вызовет чрезмерно острой дискуссии и, по-видимому, ограничится настоятельным призывом к КНДР вернуться «в лоно» Договора о нераспространении. Впрочем, это только наше предположение, сделанное в свете нынешней обстановки, которая ко времени открытия конференции может измениться.

Южная Корея

Начало ядерной программы Республики Корея относится к 1959 г., и к настоящему времени страна располагает крупной и продолжающей развиваться атомно-энергетической промышленностью. В стране построено около десяти АЭС, сооружаются и новые атомные электростанции. Южная Корея обладает запасами урана. Южно-корейские власти начиная с 1968 г. не раз предпринимали попытки создать мощности по химпереработке и получению плутония, но наталкивались на противодействие США.

Имелись сообщения, что в 1971 г. президент Пак Чон Хи принял политическое решение приступить к осуществлению программы создания ядерного оружия, но США воспрепятствовали этому. Он, однако, затем попытался заручиться техническим содействием Франции. В 1975 г. Пак объявил, что Южная Корея приступит к производству ядерного оружия, если США уберут свой «ядерный зонтик». Было заключено соглашение с Францией о строительстве завода по химпереработке, но в начале 1976 г. под нажимом США от этой сделки Паку пришлось отказаться. Но это его, тем не менее, не остановило. Лишь после его убийства и после прихода к власти Чон Ду Хвана в 1980 г. военная ядерная программа, как утверждалось, была окончательно свернута¹¹³.

---

¹¹³ Mark B.M. Suh, «From Confrontation to Accomodation: Ways and Means of Sustaining a Nuclear-Weapon-Free Korea,» Paper presented at the 26th Pugwash Workshop on Nuclear Forces, 7–9 February 1997, Geneva, Switzerland. P. 6.

По условиям принятой в 1992 г. совместной декларации о превращении Корейского полуострова в зону, свободную от ядерного оружия, Южная Корея и КНДР приняли на себя обязательство не создавать мощности по химпереработке отработанного топлива и по обогащению урана и об установлении взаимного контроля за соблюдением этого обязательства. Как известно, эта декларация, однако, в действие введена не была.

Как выяснилось в последние месяцы, в действительности военная ядерная программа окончательно свернута не была. Недавно всю мировую прессу облетели сообщения о том, что некоторое время тому назад в Южной Корее проводились работы по получению металлического урана для его лазерного обогащения и по переработке облученного реакторного топлива для выделения плутония. По некоторым данным, южнокорейцами был получен ВОУ 77%-го обогащения по урану-235, а также выделено некоторое количество плутония. МАГАТЭ, как стало известно, не раз обращалось к правительству Республики Корея с требованием допустить своих инспекторов к проводимым в стране работам по ядерной программе, но эти обращения блокировались южнокорейскими властями. Лишь летом 2004 г. Южная Корея в письме в Агентство наконец была вынуждена признать эти факты, и инспекторы Агентства приступили к их проверке¹¹⁴.

Не подлежит сомнению, что проблемы, связанные с деятельностью Южной Кореи по созданию возможного ядерного потенциала, станут предметом пристального внимания участников Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г.

---

¹¹⁴ *Washington Post*. 2004, 12 September.

Заключение

Открытие атомной энергии и неуклонно расширяющиеся масштабы ее использования внесли коренной перелом в представление не только о войне и мире, но и о путях дальнейшего развития человечества и возможностях обеспечения энергией, необходимой для ускорения всестороннего прогресса.

Принципиально новое в этом открытии заключается в том, что если вся предыдущая история войн и вооружений строилась на создании взаимно противостоящих и взаимно поражающих видах оружия (арбалет и щит, танк и артиллерия, авиация и противозенитные средства и т.д. и т.п.), то ядерная энергия породила как мирные средства применения атома, так и оружие для военных целей. По существу, при соответствующих технологических подходах эти виды применения ядерной энергии, во всяком случае, на нынешнем этапе и в обозримом будущем неразделимы.

Поэтому стоящая перед обитателями нашей планеты двоякая задача — исключить возможность применения атомной энергии для самоуничтожения и в то же время надежно поставить энергию атома на службу дальнейшего прогресса цивилизации — технически немислимо трудна и осуществима ли вообще?

Задачи такой сложности за всю прошлую историю человечества не возникало. Только атом поставил перед человеком апокалиптическую дилемму — либо человечество сумеет овладеть и полностью подчинит себе и своему дальнейшему развитию и процветанию могущественную энергию атома, либо атом, следуя предсказанию Библии, станет в «конце времен» воплощением Страшного суда над всеми когда-либо

жившими людьми, воскресающими во плоти для этого суда и получающими по приговору судьи сообразно со своими делами вечное блаженство в раю или вечное наказание в аду.

Как убедительно свидетельствует более чем тридцатилетняя история Договора о нераспространении ядерного оружия и основанного на его фундаменте международного режима нераспространения, в реальном сегодняшнем мире только созданная Договором и опирающаяся на него **международно-правовая система ядерного нераспространения**, твердо укоренившаяся в сознании людей и правительств, в состоянии обеспечить такое сочетание использования разнонаправленных сторон атомной энергии, которое в наибольшей степени может поддерживать баланс и совпадение интересов, способных сохранить мир, обеспечить международную стабильность и содействовать дальнейшему развитию и процветанию человечества¹¹⁵. Попытки решать эти вопросы иным путем — путем односторонних действий, вразрез с общепринятыми и общепризнанными нормами, как правило, ни к чему хорошему не приводили. Разумеется, каждое правило допускает исключения, но чаще всего отступление от правил приводит к обратным результатам, чему события в Ираке стали наглядным примером.

Применение международных норм и механизмов не только допускает, но и предполагает различные методы наиболее действенного их претворения в жизнь — это, к примеру, двусторонние или многосторонние консультации, диалог, переговоры и другие способы контактов между отдельными сторонами, а в случае необходимости и принудительные меры в рамках международного права и под эгидой Совета Безопасности ООН. Однако совершенно недопустимы попытки использования лозунга нераспространения ОМУ ради своекорыстных политических, экономических или иных целей, не имеющих ничего общего с предотвращением распространения.

---

¹¹⁵ Как мыслили и предлагали еще в 1940-е годы прошлого столетия ученые-ядерщики Н. Бор, Л. Сциллард, П.Л. Капица, Д.В. Скобельцын и многие, многие другие, только международными усилиями, под международным контролем над атомной энергией можно будет приблизиться к решению этой трудной, почти непосильной задачи.

Очевидно, что только соблюдение общепризнанных международных правил и норм может обеспечить результат, который будет принят международным сообществом и приведет к общеприемлемому и наиболее эффективному итогу. В качестве отрицательного примера можно было бы сослаться на так называемую двустороннюю Рамочную договоренность между США и КНДР 1994 г., которая, по существу, не только не привела к решению проблемы Корейского полуострова, но и затормозила движение вперед и, вконец запутав дело, осложнила попытки заинтересованных стран вывести переговоры с КНДР на путь положительной динамики. Шестисторонний форум – с участием всех наиболее заинтересованных сторон, будем надеяться, позволит вывести проблему из затаившегося тупика.

Международная норма – не застывшая раз и навсегда заскорузлая формула, а постоянно развивающаяся динамичная система мер, направленная на постоянное изыскание наиболее эффективных процедур обеспечения нераспространения ядерного оружия. Характерным в этом отношении является не так давно принятый Дополнительный протокол к соглашениям о гарантиях МАГАТЭ. Договор о нераспространении имеет дело с такой специфической сферой человеческой деятельности, которая находится в состоянии постоянного развития и поэтому требует непрерывного усовершенствования и учета технологического движения вперед – к наиболее безопасному использованию атомной энергии.

Своеобразие режима нераспространения определяется еще и тем, что в мире непрерывно происходит развитие новых ядерных технологий и материалов, а процесс этот бесконечен. С другой стороны, меняются взаимоотношения между государствами, их политическое восприятие ядерной проблемы и ядерной безопасности, что также влечет за собой потребность в непрерывной и адекватной реакции со стороны международного сообщества и его механизмов. Не будет преувеличением сказать, что человечеству по существу *всегда* придется иметь дело с новыми вызовами режиму нераспространения и научиться оперативно и эффективно на них реагировать. Те, кому постоянно приходится иметь дело с распространением ОМУ, знают, что практически каждый день мо-

жет принести новую проблему и новую задачу, часто требующую незамедлительного решения¹¹⁶.

Как со всеми этими непрерывно возникающими проблемами справляется ДНЯО и тот режим, который базируется на этом Договоре? Отвечает ли он адекватно на насущные требования быстротекущей и усложняющейся жизни? Не думаю, что мы сильно погрешим против истины, если сделаем вывод, что усилиями основных государств мира, которые достаточно солидарно стремятся своевременно отвечать на возникающие проблемы, режим ядерного нераспространения в общем и целом довольно крепко стоит на ногах, и основные страны непрерывно ищут пути его улучшения и на практике реализуют новые наработки. Поэтому надобности в каком-нибудь коренном изменении этого режима, в его «радикальной реформе» и в выработке «новой стратегии нераспространения» не возникает.

За прошедшие годы режиму пришлось пережить немало трудностей, но в основном он (хотя иногда и с большим трудом) выдержал испытания и в целом повысил свою эффективность и авторитет. Если международное сообщество и в дальнейшем будет твердо и солидарно поддерживать режим нераспространения, человечество сможет и впредь быть уверенным, что ядерное нераспространение останется на должной высоте — во всяком случае, в той мере, в какой это практически осуществимо.

Исходя из изложенного, хотелось бы надеяться и даже высказать уверенность, что Обзорная конференция 2005 г. по рассмотрению хода выполнения Договора о нераспространении сможет на консенсусной основе принять такие решения, которые будут способствовать укреплению этого Договора и всего международного режима ядерного нераспространения. Такая уверенность основана на убеждении, что ядерное не-

---

¹¹⁶ Эту мысль подчеркнул и Генеральный директор Международного атомного агентства М. Эльбарადей, который писал в уже цитировавшемся журнале *Economist* от 12 февраля 2004 г., что «ядерное распространение продолжает развиваться. Оборудование, материалы и профессиональная подготовка в прошлом были в основном недоступными. Сегодня же, однако, существует изощренная международная сеть, которая может поставлять материалы, используемые для оружия».

распространение во всех его аспектах, как это определено ДНЯО, имеет непреходящее значение для международной безопасности и отвечает интересам государств — как ядерных, так и неядерных, интересам всего мирового сообщества. Важную и даже решающую роль в достижении успеха на конференции могут и должны сыграть Соединенные Штаты, Российская Федерация, а также другие ядерные державы.

Автор выражает глубокую признательность А.И. Зобову, В.Г. Федченко и А.В. Хлопкову за помощь и за высказанные ими ценные замечания как по существу настоящей работы, так и в отношении ее конкретных положений.

Об авторе

Тимербаев Роланд Махмутович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета ПИР-Центра политических исследований, ведущий специалист в области нераспространения и контроля над ядерными вооружениями.

После окончания МГИМО в 1949 г. Р.М. Тимербаев более 40 лет проработал в МИД СССР и МИД РФ. Последней его должностью на дипломатической службе в 1988–1992 гг. был пост представителя СССР/России при МАГАТЭ и других международных организациях в Вене. Принимал участие в подготовке ряда ключевых международных соглашений в ядерной области, в том числе в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, Договора об ограничении систем противоракетной обороны, системы гарантий МАГАТЭ, Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Участвовал в создании Группы ядерных поставщиков. Был участником всех шести конференций по рассмотрению действия ДНЯО. В 1992–2002 гг. – консультант МАГАТЭ по вопросам ядерного нераспространения.

Доктор исторических наук профессор Тимербаев в течение многих лет занимается научно-исследовательской и преподавательской работой (МГИМО МИД РФ, Монтерейский институт международных исследований, Калифорния, МИФИ, Санкт-Петербургский университет, Томский технический университет, Дальневосточный технический университет и др.). Перу Р.М. Тимербаева принадлежат многочисленные монографии и другие публикации по ограничению вооружений, ядерному нераспространению и разоружению.

В их числе такие монографии, как «Мирный атом на международной арене» (1969), «Контроль за ограничением воору-

жений и разоружением» (1983), «Проблемы контроля» (1984), «Полное запрещение ядерных испытаний» (1986), «Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes», 1994 Edition (соавтор, 1994), «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968» (1999), «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)» (2000), «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. История, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия» (соавтор, 2001), учебник «Ядерное нераспространение» (соавтор, 2002), «Международный контроль над атомной энергией» (2003).

Summary

In his new study «The Nuclear Nonproliferation Regime, Present and Prospects. Towards the NPT Review Conference of 2005,» Ambassador Roland Timerbaev deals with different problems facing the nonproliferation regime today and makes some practical suggestions that may help the Conference to reach a successful conclusion.

In order to introduce readers to the complex nature of the Treaty provisions, the study starts with a short description of the history of NPT negotiations. The author pays special attention to the Treaty's Article III (safeguards and export control), Article IV (peaceful uses of nuclear energy) and Article VI (nuclear arms control and disarmament), which have continued to provoke lively, and at times challenging, discussions and debates throughout the entire history of the NPT and the nuclear nonproliferation regime as a whole.

The study then describes the major achievements of the regime. The NPT – and that is its most important accomplishment – has established the *international legal rule of nuclear nonproliferation*. While in the 1960s it was feared that no less than 10 to 15 nations might soon acquire nuclear weapons, and that presently between 30 and 40 states have technical and industrial capabilities to produce nuclear explosive devices if they decide to take a nuclear option, at present there exist only five legally recognized NWS and three additional states that have acquired nuclear weapons (India, Pakistan and Israel). The Treaty, thus, is of an almost universal nature, having gained adherence by 189 parties. The 1995 Review and Extension Conference decided by consensus to extend it indefinitely. The Treaty has been contributing to the growth of a *nonproliferation culture and mentality* throughout the world.

Next, the author analyses the major global problems that the world community faces today in the field of nuclear nonproliferation. The viability of the NPT and of the regime as a whole greatly depends on the pace of implementing Article VI. The countries of the Nonaligned Movement and of the New Agenda Coalition, as well as many other NNWS, however, are highly critical of the inability or unwillingness of the NWS to fulfill their obligations under this article concerning nuclear arms control and disarmament. Prepcom 2004 failed to reach any substantive recommendations for the 2005 Review Conference because of opposition by the US and some other NWS to any reference to the consensus final document from the 2000 Review Conference, which had resulted in the 13-step plan of action on nuclear disarmament.

Among other problems of a more general nature is the serious concern over the threat of international terrorism and the risk that non-state actors may acquire, develop, traffic in or use nuclear, chemical or biological weapons and their means of delivery, which adds a new alarming dimension to the issue of proliferation of such weapons and poses a threat to international peace and security. The consideration of these issues is followed by some suggestions and recommendations by the author with a view to contributing to the successful conduct and conclusion of the NPT Review Conference 2005.

In the following chapter the author discusses grave challenges to the international nonproliferation regime posed by some countries that have already acquired or are trying to produce nuclear or other weapons of mass destruction. This analysis includes such countries as India, Pakistan, Israel, Iraq, Iran, and DPRK.

Finally, in the concluding part of this study, Amb. Timerbaev expresses his strong belief that due to the collective efforts of the great majority of nations, the nonproliferation regime is, in its essence, still quite strong, and the major nations are continually looking for ways to improve it, and do, in fact, carry out such measures. Therefore, there is no need whatsoever for any radical changes or reforms of the regime, or, for that matter, for any new nonproliferation strategies.

The existence and observance of international norms and mechanisms not only admits, but even presumes a variety of methods for their effective implementation – such as bilateral or multilateral

consultations, dialogue, negotiations, etc., and, when necessary, enforcement measures in the framework of international law and under the auspices of the UN Security Council. However, any attempts to use the nonproliferation slogan for self-interested political, economic or any other purposes, that have nothing to do with actual nonproliferation, are quite inadmissible.

The author expresses a measure of confidence that the NPT Conference in 2005 will adopt, on a consensus basis, decisions that will contribute to the further consolidation of the Treaty and of the entire nonproliferation regime. His confidence is based on the conviction that nuclear nonproliferation in all its aspects, as defined by the NPT, is of unwavering significance for international security and is in the interests of all nations, both NWS and NNWS.

Ambassador Roland M. Timerbaev was a professional diplomat for over 40 years. During most of his time in the diplomatic service, he served as an arms control negotiator (NPT, ABM Treaty, CTBT, etc.). His last post in 1988–1992 was as Permanent Representative to the IAEA and to other international organizations in Vienna. In 1992–2002 he was a consultant to the IAEA for nuclear nonproliferation affairs. Prior to and especially since his retirement in 1992, he has been teaching and writing about nuclear arms control and nonproliferation. Among his major publications are «Peaceful Atom on International Arena» (1969), «Verification of Arms Control and Disarmament» (1983), «Inventory of International Nonproliferation Organizations and Regimes,» 1994 Edition (co-author), «Russia and Nuclear Nonproliferation» (1999), «Nuclear Suppliers Group: Why and How it Was Created» (2000), «Nuclear Nonproliferation in U.S.-Russian Relations: Challenges and Opportunities» (co-author, 2002), textbook «Nuclear Nonproliferation» (co-author, 2002), «International Control of Atomic Energy: Past, Present, and Future» (2003). At present, Dr. Timerbaev is the Executive Council Chair and a Consultant at the PIR Center for Policy Studies in Moscow.